

III

Сношенія патріарха Паїсія съ русскимъ правительстvомъ

Перваго Декабря 1645 года въ Москву прибыль сербскій митрополит Симеонъ, который привезъ государю извѣстительную грамату отъ новаго іерусалимскаго патріарха Паїсія, писанную 18 Іюля 1645 года. Эта грамата Паїсія начинается такъ:

„Трисолнечная и свѣтонаачальная Троица Богъ нашъ: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, всю тварь премудростю сотвори неизчтеною своею благостю, Его же славять немолчными устнами со страхомъ и трепетомъ многоочтая херувимъ и шестокрыльная серафимъ и всѣ небесные силы; тожъ и мы на земли, вкупѣ съ ними, недостойными устами поемъ и благословляемъ и кланяемся, славословимъ и глаголемъ: сей есть Богъ нашъ и мы людіе его, яко умножи милость свою на нась и воспрія нась неизчтными человѣколюбія чудесы и показа намъ путь спасенію, о немъ же живемъ и движемся и есмы, Ему слава и держава во вѣки аминь отъ Бога Вседержителя и Господа нашего Іисуса Христа“.

Послѣ такого вступленія Паїсій извѣщаетъ государя о смерти їеофана, „оставившаго святѣйшій и апостольскій престолъ безъ наслѣдника, безъ настыря

и учителя“, вслѣдствіе чего, согласно древнимъ преданіямъ св. отцевъ и церковному чину, составился соборъ изъ преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, преподобныхъ архимандритовъ и игуменовъ для выбора и постановленія нового патріарха. „Святый архіерейскій весь соборъ, милостію всеблагаго Бога, избрали и нарекли по закону и церковному преданію меня, богомольца святаго великаго вашего царствія—инокосвященника Паїсія, бывшаго игумена въ божественной и государской обители у Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, пребывающаго въ молдавской землѣ въ Яссахъ, по повелѣнію благочестиваго и пресвѣтлаго государя Василія воеводы всея молдавскіе земли, о Духѣ сына возлюбленного нашего смиренія и вѣрнаго друга святаго великаго вашего царствія. И благодатию пресвятаго Духа стала есми патріархомъ природнымъ на святомъ и апостольскомъ престолѣ св. града Іерусалима, мѣсяца Марта въ 23 день, въ воскресной день, въ божественной и государской обители иже во святыхъ отецъ нашихъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, отъ экзарха преосвященнаго митрополита св. митрополіи Ларсы господина Григорія, и тutoшніе молдавскіе земли преосвященнаго митрополита господина Варлаама и отъ боголюбезнаго епископа господина Анастасія роудицкаго, и господина Лаврентія косандрѣйскаго, по повелѣнію святѣйшаго и вселенскаго патріарха господина Пароенія, о св. Дусѣ возлюбленного брата и сослужителя нашего смиренія,—и почтили всѣ меня, Паїсія, богомольца великаго вашего царствія, природнымъ и истиннымъ патріархомъ св. града Іерусалима и всеа Палестины. И сего ради благочестивый, державный и великий государь князь Михаилъ їеодоровичъ всеа Руси,

объявляемъ и мы, богомольцы къ великому и святому вашему царствію, сею напею смиренною патріаршескою граматою, сіе наше законное восхожденіе и поставленіе ко святому и апостольскому сему престолу“. Затѣмъ Паисій заявляетъ о своей непремѣнной обязанности, какъ всегдашняго царскаго богомольца, непрестанно молить Бога о царѣ, царицѣ и всей царской семье, извѣщаетъ о полученіи царской граматы и милости, что была послана государемъ съ архимандритомъ Антоніомъ. Въ заключеніе граматы новый патріархъ пишетъ: „Мы, богомольцы ваши, здѣсь пребываемъ на нашемъ патріаршескомъ престолѣ, терпимъ повседневно великие нужи и труды, и протори неизчтные имѣемъ, и погибаемъ зѣло обидимы отъ безбожныхъ еретиковъ, что всегда они ищутъ времени отнять у насъ нѣкоторые поклонные святые мѣста и стоять съ денежною силою и иноплеменными людьми... А мы, богомольцы великаго вашего царствія стоимъ прежде Божію помощію, а потомъ силою и помощію вашего царскаго величества, и всякимъ радѣньемъ и любовію большою, покамѣста живемъ, да соблюдаемъ святые и божественные мѣста, якоже соблюли и прежде меня святѣйши патріархи, имѣющи надежду и упованіе на великое и святое ваше царствіе, что всегда распространяешь благочестивую и высокую святую державу и царскую десницу ко святому и живодавному Гробу Христову, соблюдати отъ всякия измѣны сопротивныхъ враговъ. Посемъ неимѣемъ гдѣ восприѣгнути и помощи получить во многихъ нашихъ бѣдахъ и напастехъ, токмо къ человѣко-любію и къ милосердію царствія вашего благочестивый святой царю. Посемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ да воздастъ побѣду и державу на враговъ видимыхъ и невидимыхъ, да распространить и умножитъ державу

великаго вашего царствія въ сіе земное временное царствіе, потомъ сподобить небесному и бесконечному царствію“¹.

Эта первая грамата Паисія вмѣстѣ съ тѣмъ есть и первая извѣстительная грамата, какія съ этого времени уже обычно стали посыпать въ Москву всѣ новые послѣдующіе іерусалимскіе патріархи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она показываетъ, что Паисій, уже ранѣе два раза бывшій въ Москвѣ, позаботился немедленно по вступленіи на патріаршій престолъ войти въ сношенія съ московскимъ правительствомъ въ відахъ полученія отъ него на будущее время милости и поддержки для іерусалимской патріархіи. Наконецъ эта грамота интересна и въ историческомъ отношеніи, такъ какъ въ ней самъ патріархъ Паисій говоритъ о томъ, гдѣ, кѣмъ и при какихъ условіяхъ произведены были выборы и поставленіе его въ патріархи іерусалимскіе.

Смерть царя Михаила Феодоровича и вступленіе на царскій престолъ Алексея Михаиловича дали поводъ патріарху Паисію послать въ Москву, съ грекомъ Феофиломъ Ивановымъ, новую грамату, писанную имъ отъ 21 сентября 1645 года, въ которой онъ заявляетъ по поводу смерти Михаила Феодоровича: „слышали есми, что весь благочестивый народъ имѣли его (Михаила Феодоровича) единопохвальную и единодуховную славу и много неисчислентое веселіе, якоже да быль Богомъ вѣнчанный православный царь на посрамленіе еретикомъ и отпадшимъ; но и паки къ бѣдныхъ и обидимыхъ отъ нечестивыхъ—ко архіереемъ и къ архимандритомъ и ко всѣмъ церковнымъ и къ мірскому житію и чину—къ благочестивымъ греческимъ христіяномъ, тоже и мы и апостольскій и святой нашъ престолъ святаго града

¹ 7154 г. № 6.

Іерусалима со всѣмъ нашимъ святымъ соборомъ святаго и живодавцова Гроба о Христѣ съ братію — едино имѣли его великаго поборника и утвержденаго сильнаго столпа и теплаго помощника ко всякой нуждѣ и надобью ко святому и живодавному Гробу¹. Новаго государя патріархъ Паисій просить умножить милостыню ко Св. Гробу и за это Господь его прославить, какъ нѣкогда прославилъ Соломона, соорудившаго храмъ въ Іерусалимѣ. Заявляетъ, что онъ, патріархъ, пребываетъ въ великихъ долгахъ, „и то намъ чинять еретики наиболѣ арменя и латыни, и тѣ арменя учинили намъ велиkie протори и для тѣхъ проторей мучуся нынѣ въ Царѣградѣ“, и въ заключеніе пишеть, что по умершемъ государѣ не только самъ служитъ сорокоустъ, но и далъ приказъ въ Іерусалимѣ, чтобы тамъ ежедневно служили не сорокъ дней, а цѣлый годъ.

Въ другой граматѣ отъ 25 Сентября 1645 года Паисій благодарить государя за всѣ тѣ милости, какія явилъ Св. Гробу его отецъ: „милость ваша царская богатодарная аки солнце восіаетъ и свѣтить во всю вселенную и къ теплоти его движутца и живуть всячески; такожде и святое ваше царствіе воскаляетъ едину каплю росы отъ милости вашей неизреченные и напоить всѣхъ“. Затѣмъ говоритъ въ граматѣ о торговыхъ людяхъ и чернецахъ, что являются въ Москву съ подложными патріаршими грамотами, почему онъ указываетъ признаки, по которымъ московское правительство на будущее время всегда можетъ отличить его подлинныя граматы отъ возможныхъ поддѣльныхъ¹.

Патріархъ Паисій, ранѣе уже два раза бывшій въ Москвѣ, въ качествѣ посланца патріарха Феофана, съумѣлъ понять и оцѣнить великую важность все болѣ

¹ 7154 г. № 18.

усилившагося московскаго царства для всего православнаго востока, почему онъ и рѣшился войти съ московскимъ правительствомъ въ близкія сношенія не чрезъ граматы только, но чрезъ личное посѣщеніе Москвы въ санѣ патріарха, какъ это уже сдѣлалъ его предшественникъ Феофанъ, причемъ Паисій имѣть въ виду не одну только получку богатой милостыни въ Москвѣ, но и иныя цѣли. Такъ какъ „дѣло“ о прїѣздѣ въ Москву патріарха Паисія дошло до насъ, то мы и опишемъ это важное во многихъ отношеніяхъ событие съ возможною подробностью.

1 Декабря 1648 года въ Москву прїѣхали Аeonской горы, Зографского великомученика Георгія монастыря, черные попы: Петроній, да Палладій, да Сильвестръ бить челомъ государю о милостынѣ, по имѣющейся у нихъ жалованной граматѣ. На допросѣ въ Посольскомъ приказѣ аенонскіе старцы объявили, „что они изъ молдавскіе земли поѣхали Октября во 2 день вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и прїѣхали Октября въ 19 день въ литовскую землю до города Веницы, и въ томъ городѣ патріархъ остался для того, что изъ молдавскіе земли посыпалъ онъ, патріархъ, къ гетману Хмельницкому, а для чего посыпалъ и кого посыпалъ, про то они невѣдаютъ. А послѣ того гетманъ Хмельницкій прислалъ въ Молдавскую землю къ патріарху Паисію полковника и онъ, патріархъ, съ тѣмъ полковникомъ поѣхалъ изъ молдавскіе земли въ литовскую землю и прїѣхали въ Веницу, а изъ Веницы полковникъ поѣхаль къ гетману Хмельницкому, а патріархъ въ томъ городѣ Веницѣ остался,—дожидается вѣсти отъ гетмана Хмельницкаго, а какой вѣсти дожидается и о чёмъ между ними ссылка была, про то они не вѣдаютъ. И съ тѣмъ іерусалимскимъ патріархомъ ёдутъ старцы и

бѣльцы человѣкъ съ тридцать; а слышали они отъ патріарха, что онъ будетъ къ великому государю къ Москвѣ для милостины, и въ Путівль хотѣлъ быти вскорѣ¹.

Въ тотъ же самый день, когда аѳонскіе старцы заявили въ Посольскомъ приказѣ, что въ Москву ёдетъ іерусалимскій патріархъ Паисій, прислали въ Москву государю донесеніе и путівльскій воевода Плещеевъ съ извѣстіемъ, что одинъ пріѣзжій грекъ на допросѣ сказалъ ему, „что въ Кіевѣ обѣхалъ онъ іерусалимскаго патріарха Паисія, а ёдитъ онъ, патріархъ, къ великому государю въ Москву челомъ ударити его царскому величеству и въ Путівль де будетъ онъ вскорѣ. Въ виду этого воевода спрашивалъ государя: „какъ іерусалимской патріархъ въ Путівль пріѣдить, какъ его принимать и почему ему корму давать, и изъ Путівля его къ Москвѣ отпускать-ли, и сколько подводъ и въ дорогу корму дать?“ Всѣдствіе этого донесенія воеводы къ нему немедленно, 2 Декабря, послана была въ Путівль государева грамата, въ которой ему приказывалось: „какъ іерусалимскій патріархъ въ Путівль пріѣдить, и его велѣно принять и поставить на добромъ дворѣ, и въ разговорѣ съ нимъ поговорити про цареградскіе и про литовскіе вѣсти, и отпустить его совсѣмъ къ государю къ Москвѣ съ приставомъ, выбирая изъ путівльцевъ изъ лучшихъ людей сына боярскаго доброго, а кормъ и подводы дать, какъ имъ мочно подняться“¹: О времени прибытія патріарха въ Путівль, о томъ, когда онъ выѣдетъ изъ Путівля, сколько ему дано было корму и подводъ, велѣно было съ нарочитымъ гонцомъ

¹ Корму патріарху отъ Путівля до Москвы велѣно было дать по 5 алтынъ на день, да питья: по 3 кружки меду, по 3 кружки пива на день; архимандриту и келарю по 10 денегъ на день человѣку, архидьякону 9 денегъ, дьякону и простымъ старцамъ по 8 денегъ, людямъ патріаршимъ по 6 денегъ человѣку на день.

прислати немедленно отписку въ Москву, а посланному съ нимъ приставу немедленно прислати вѣсть въ Москву, лишь только патріархъ пріѣдетъ въ Калугу, гдѣ онъ долженъ побыть до царскаго указа.

Сдѣланы были и другія предварительныя распоряженія на случай пріѣзда въ Москву патріарха Паисія. Такъ, 10 Декабря приказалъ государь послать въ Калугу „его государева жалованья — двѣ шубы, въ чёмъ ему, патріарху, ѿхать изъ Калуги до Москвы: одну соболю подъ камкою, а другую песцовую подъ тафтою противъ прежняго, каковы были посланы изъ Москвы въ Тулу ко прежнему іерусалимскому патріарху Феофану“. Между тѣмъ въ Москвѣ „19 Декабря допрашивали аѳонскихъ монаховъ Петронія и Палладія о іерусалимскомъ патріархѣ Паисіѣ: изъ котораго монастыря взять онъ на патріаршество и въ которомъ году и каковъ онъ собою ростомъ“¹. И Зографскаго монастыря черные попы Петроній и Палладій сказали: іерусалимскій патріархъ Паисій былъ напередъ сего въ молдавской землѣ въ монастырѣ Успенія Пречистыя Богородицы архимандритомъ и изъ того монастыря взять въ Іерусалимъ на патріаршество, а въ которомъ году того они подлинно не упомнятъ, а ростомъ тотъ патріархъ Паисій среднимъ, а въ плечахъ широкъ². Указомъ государя отъ 29 Де-

¹ Странный на первый взглядъ допросъ о томъ, изъ какого монастыря взять въ патріархѣ Паисій, въ какомъ году и какого онъ роста, когда Паисій ранѣе два раза былъ въ Москвѣ и ранѣе прислали въ Москву обстоятельную грамату о времени и обстоятельствахъ своего избрания въ патріархи, просто объясняется тѣмъ, что эта инструкція о допросѣ была составлена еще при пріѣздѣ въ Москву патріарха Феофана и, по тогдашнему обычаяу, механически воспроизведена была, когда отъ приказа потребовали составить инструкцію для встрѣчи и приема патріарха Паисія.—

² Досиѣй говорить про патріарха Паисія, «что онъ ростомъ малъ, съ бородою длинною, смуглъ, общителенъ, правдолюбивъ, сановитъ». Досиѣй передаетъ ходившій про него, Паисія, рассказъ, что будто бы «онъ одинъ повергъ на землю двадцать человѣкъ (напавшихъ на него) разбойниковъ и лошадей ихъ взялъ». (Кн. XII, гл. 1, § 10).

кабря велѣно было послать въ Калугу патріарху Паисію съ дворца разной рыбы и питьи, что давать ѿдучи отъ Калуги до Москвы патріарху „въ почесть“, т. е. сверхъ положенной ежедневной дачи корму и питій.

Междуда тѣмъ путивльскій воевода извѣщалъ государя, что 5 Января 1649 года въ Путівль пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Паисій, въ свитѣ котораго, кроме духовныхъ лицъ, было еще „патріаршихъ дѣтей боярскихъ и слугъ 25 человѣкъ“, въ которыхъ воевода призналъ хорошо ему извѣстныхъ греческихъ купцовъ. Воевода спрашивалъ-де патріарха, чтобы онъ „сказалъ именно про торговыхъ людей“, такъ какъ де въ 1648 году состоялся царскій указъ, чтобы гречанамъ торговымъ людямъ подводы подъ себя и подъ товары нанимать на свой счетъ и поденнаго корму имъ въ дорогу недавать. Но патріархъ про сопоровождавшихъ его торговыхъ людей заявилъ воеводѣ, что они „хотя и были прежде сево торговые люди, только де нынѣ служать ему патріарху“.

10 Января патріархъ Паисій былъ отпущенъ изъ Путівля въ Москву и въ тотъ же день государь отправилъ въ Калугу для встрѣчи тамъ патріарха Федора Мякинина, который долженъ былъ поступить по слѣдующему наказу: пріѣхавъ въ Калугу и отдавъ тамъ воеводѣ государеву грамату о патріаршемъ отпускѣ, Федоръ тотчасъ же долженъ былъ идти на подворье къ патріарху и здѣсь сказать ему „отъ государя рѣчь: Божію милостію великий государь, царь и великий князь Алексій Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ (следуетъ полный царскій титулъ)... тебѣ святѣйшему Паисію патріарху святаго града Іерусалима велѣль поклонитися и велѣль тебя о здоровыи спросить: здорово-ли еси дорогою ѻхаль?—А послѣ того говорить: Божію милостію великою было послать въ Калугу патріарху Паисію съ дворца разной рыбы и питьи, что давать ѿдучи отъ Калуги до Москвы патріарху „въ почесть“, т. е. сверхъ положенной ежедневной дачи корму и питій.

стію великій государь и великій князь Алексій Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣль мнѣ тебѣ встрѣтити въ Калугѣ, и велѣль мнѣ съ тобою ѻхати къ Москву и кормъ тебѣ давати. Да къ тебѣ жь, святѣйшему патріарху, великій государь, царь и великий князь Алексій Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, прислалъ для дорожнаго проѣзда платья: двѣ шубы, одна соболья подъ камкою, другая песцовава подъ тафтою, да сани съ полостью и санникомъ, въ чемъ тебѣ дорогою ѻхать. А изговоря рѣчь, то государево жалованье ему, патріарху, дати, да ѻхати съ патріархомъ и съ архимандритомъ его и со старцы и со всѣми служебники, которые съ ними, къ Москву“. Кромѣ того Мякинину наказывалось: „дорогою береженье къ патріарху и къ архимандриту и къ старцомъ и ко всѣмъ служебникомъ держать великое, чтобъ имъ въ дорогѣ ни отъ кого безчестья никакого небыло, и развѣдывать, что и нынѣ онъ, патріархъ, патріаршество іерусалимское держитъ-ли, нѣть-ли кого на его мѣсто иного, и для чего онъ къ государю ѻдитъ—для милостины или для иныхъ какихъ дѣлъ, и есть-ли съ нимъ какой приказъ къ государю ото всѣхъ вселенскихъ патріарховъ?“ Сверхъ того Федору Мякинину приказано было распросить про Хмельницкаго и вообще про дѣла малороссійскія и польскія, „а провѣдовати Федору приказано было про то опознався съ нимъ (патріархомъ) гораздо въ разговорѣхъ, а не явно“. Въ Калугу съ Мякининомъ послано было для встрѣчи патріарха 10 стрѣльцовъ.

Отъ 25 Января Федоръ Мякининъ доносилъ государю, что 24 Января, въ первомъ часу дня, онъ встрѣтилъ за 50 верстъ отъ Калуги патріарха Паисія, и 25 Января спрашивалъ его по наказу царскому, и патріархъ го-

ворилъ въ распросахъ, что патріаршество іерусалимское держитъ онъ самъ, а въ Москву ёдить онъ „на твоихъ великихъ и преславныхъ государствахъ россійского царствія поздравити и благословити, а отъ вселенскихъ патріарховъ къ тебѣ, государю, никакого приказу съ нимъ нѣтъ“. Вмѣстѣ съ этимъ Федоръ Мякининъ, извѣщая царя, что 26 Января патріархъ будетъ ночевать уже подъ Москвою, въ селѣ Семеновскомъ, на подожемъ стану, спрашивалъ, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ относительно вѣзда въ Москву.

Вѣздъ патріарха въ Москву назначенъ былъ на 27 Января. По указу государя патріарха долженъ былъ встрѣтить за городомъ князь Евѳимій Мышецкій и проводить его до самаго Чудова монастыря, гдѣ Паисию назначено было жить во время пребыванія въ Москвѣ. При встрѣчѣ князю наказано было говорить патріарху: „милостію Божіею и государское имянованье съ полною титлою, а послѣ того править отъ государя патріарху поклонъ и о здоровыи спросити. А послѣ того молвить государское имянованье и что велѣль государь его, патріарха, ему, князю, встрѣтить и на дворѣ ёхать, гдѣ ему, патріарху, стоять. А какъ патріархъ прїѣдитъ къ Чудову монастырю, встрѣтить его во святыхъ воротѣхъ чудовскому архимандриту Кириллу со всѣмъ соборомъ въ ризахъ, съ крестомъ и кандилы. И какъ патріарха встрѣтять и патріархъ, вземъ у архимандрита крестъ, приложится напередъ ко кресту самъ; потомъ архимандриту и всѣму собору отъ патріарха благословитися, и пойдетъ патріархъ въ соборную церковь архистратига Михаила и ко Алексѣю чудотворцу, и учнетъ прикладываться къ образамъ и къ чудотворцовъ ракѣ и слушать ему литоргіи соборные, и служить архимандриту самому, а съ ними священникомъ и діакономъ, а отъ

церкви патріарху идти въ келью, гдѣ ему велѣно стоять“.

Князю Мышецкому данъ былъ затѣмъ наказъ, какъ онъ долженъ былъ вести себя при отправлениіи имъ должности пристава при патріархѣ. Наказъ говоритъ: „а князю Евѳиміу (вмѣстѣ съ Федоромъ Мякининымъ) къ патріарху береженье держать, и надъ переводчики и надъ дѣтьми боярскими надсматривать, чтобы патріарху и архимандриту его и старцемъ и всѣмъ его служебникомъ кормъ давати сполна по росписи¹. А чего патріархъ и въ запросъ попросить, и имъ про то сказывать въ Посольскомъ приказѣ, и береженье имъ во всемъ къ патріарху держать великое, и къ нему приходить честно и его чити потомужъ, какъ и первопрестольника россійского государства, святѣйшаго патріарха московскаго. Да и того князю Евѳимію и Федору беречи, чтобы къ патріарху никто не приходилъ гречанъ и турчанъ и иныхъ никакихъ иноземцовъ, и его людей никого съ монастыря неспущати; а что отъ патріарха

¹ Лично патріарху, во все время пребыванія его въ Москвѣ, велѣно было выдавать на каждый день: «прутъ бѣлые рыбицы, прутъ семжини, да блюдо икры паюсные, на блюдо осетрини, на блюдо бѣлужини, на два блюда пироговъ пряженыхъ, щука колодка, двѣ ухи разныхъ перемѣняясь, калачъ круничатой». Питья лично патріарху выдавалось на день: «кружка меду вишневаго или малиноваго, кружка меду боярскаго, кружка квасу медвянаго, полведра меду паточнаго, ведро меду княжего. Да изъ Большого приходу на мелкое: на лукъ, на чеснокъ, на масло, на яйца, на крупу, на соль по 5 алтынъ на день». Всѣмъ лицамъ патріаршай свиты кормы и питья выдавались каждому отдельно, причемъ количество ихъ для разныхъ лицъ было различно,—болѣе получали высшія лица свиты и значительно менѣе низшія лица. По особымъ случаямъ, какъ самъ патріархъ, такъ и вся его свита, сверхъ обычной ежедневной дачи, получали еще отъ государя особыя кормы и питья. Такъ, напримѣръ, патріарху и всей его свите «на прїѣздѣ» было послано «государева жалованья въ почесть корму и питья: 3 кружки меду вишневаго, ведро меду обарнаго, ведро меду паточнаго, ведро меду цѣженаго, ведро квасу медвянаго, калачъ круничатой, три калача смѣсныхъ, да людемъ ихъ по калачу, на 18 блюдъ єствы добрые».

и отъ митрополитовъ и отъ иныхъ властей московскихъ почнутъ приходить съ кормомъ, — и князю Евфимію и Федору тѣхъ людей съ кормомъ пущати велѣти. А хто иноземцовъ учнетъ къ патріарху проситься, а патріархъ ихъ велитъ къ себѣ пущати, или патріархъ про которыхъ иноземцовъ учнетъ говорити, чтобы къ нему пущати,—и князю Евфимію о томъ патріарху говорить, что онъ про то скажетъ государевымъ бояромъ и посольскому думному дьяку, а безъ боярскаго вѣдома такихъ людей иноземцовъ пущати онъ не смѣеть, пока мѣста онъ, патріархъ, у государя будетъ. А буде патріархъ спросить о лѣтехъ и возрастѣ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, и имъ говорить: великий государь нашъ, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи самодержецъ, его царское величество, нынѣ въ совершенномъ возрастѣ — двадцать лѣтъ, и дородствомъ и разумомъ и красотою лица и милосердымъ нравомъ и всѣми благими годностями всемогущій Богъ украсилъ его, великаго государя нашего, его царское величество, хваламъ достойнаго, паче всѣхъ людей, и ко всѣмъ людемъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцамъ, его царское величество милостивъ и щедръ, и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храбруму ученью навыченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому чину и достоянію. А нынѣ Богъ подаровалъ ему, великому государю нашему, его царскому величеству, сына, а нашего государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Димитрія Алексѣевича, и намъ всѣмъ, царского величества подданнымъ, радость и веселье веліе!“ А если патріархъ спросить: въ какихъ отношеніяхъ государь теперь находится со всѣми окрестными государями, говорить,

что въ дружбѣ. А если патріархъ спросить о такихъ дѣлахъ, про которые не сказано въ наказѣ, „то отвѣтъ держати по дѣлу и говорити посольскими рѣчами учиово и осторегательно, чтобы государеву имяни было къ чести“; а если приставу вовсе не слѣдуетъ о чёмъ либо говорить патріарху, то въ такихъ случаяхъ онъ долженъ заявлять, что былъ въ дальнѣй службѣ, возвратился недавно и тѣхъ дѣлъ не знаетъ.

27 Января совершился вѣзѣдъ патріарха Паисія въ Москву согласно съ составленнымъ ранѣе церемоніаломъ, а 29 Января приказалъ государь послать къ нему спросить его отъ имени государя о здоровыи и поговорить съ нимъ о дѣлахъ думнаго дьяка Михаила Волошенинова. Послѣдній, пришедши къ патріарху, говорилъ: „Великий государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Россіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, его царское величество, воздающи честь тебѣ святѣйшему Паисію, патріарху святаго града Іерусалима и всеа Палестины, приславъ своего царскаго величества думнаго дьяка меня, Михаила Волошенинова, и велѣль тебя спросить о твоемъ здоровыи: здоровово-ли еси дорогою ѿхалъ, и здѣ во здравіи-ль и во спасеніи пребываешь?“ „И патріархъ говорилъ, что онъ милостію Божію и великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, жалованьемъ въ дорогѣ ѿхалъ и здѣ въ Москвѣ живеть далъ Богъ въ добромъ здоровыи, да и въ Іерусалимѣ де онъ жиль его государскимъ милостивымъ заступленіемъ и призрѣніемъ“. „И биль челомъ государю патріархъ, чтобы государь его пожаловалъ, велѣль ему быть у себя, государя, и видѣть свои царского величества очи“. Въ то же время патріархъ просилъ Волошенинова, чтобы его изъ Чудова монастыря, гдѣ онъ угараєтъ и гдѣ ему со сви-

тою тѣсно, перевели на Кирилловское подворье, что и было исполнено.

„Патріархъ говорилъ разговоромъ: „пріѣхаль де онъ къ великому государю для того, что въ Іерусалимъ Гробъ Господень въ великомъ долгу, а оплатиться нечимъ, и онъ де для искупленія Гроба Господня — для милостини пріѣхаль бить челомъ государю... И онъ де патріархъ, єдучи въ Польской землѣ въ Винницѣ и въ Шарѣ городѣ и въ иныхъ городѣхъ и до Киева поляковъ крестиль многихъ (?), и имъ говорилъ, чтобы они впередъ на православную христіанскую вѣру непосягали. И какъ де онъ, патріархъ, былъ въ Кіевѣ и приказывалъ отъ себя гетману Хмельницкому, что онъ чловѣкъ крестьянскіе вѣры, а сложась съ бусурманы, многіе христіанскіе крови пролилъ, а ему де было о томъ мочно сослаться съ царскимъ величествомъ. И гетманъ де писалъ къ нему, патріарху, что ему о помочи писать было неколи, а покамѣсто было имъ о помочи писать, и ляхи-бѣ ихъ всѣхъ побили и вѣру искоренили, и онъ де по ссылкѣ съ татары сложася, противъ поляковъ за православную христіанскую вѣру стояль. Да гетманъ же Хмельницкій писалъ къ нему патріарху, что онъ ко государю о помочи писалъ, чтобы онъ, государь, ему, гетману, на поляковъ помочь велѣль учинить и воиною на нихъ съ своей стороны послалъ и свои города, которые отъ Московскаго государства къ нимъ, полякамъ, отошли, ихъ поималъ; и онъ де, гетманъ, съ своей стороны, съ войскомъ на поляковъ пойдетъ же и ему государю помогати учнетъ; а только бы де государь на то изволилъ, что свои государевы города у поляковъ отыматъ, и онъ-бы де гетманъ всѣ города и до Смоленска подъ государеву руку подвелъ, и онъ-де, великий государь, помочи имъ черкасомъ

учинити и городовъ у нихъ взяти неизволилъ. А нынѣ они, гетманъ и все войско запорожское, велѣли ему, патріарху, бить челомъ царскому величеству, чтобы онъ, великий государь, изволилъ войско запорожское держать подъ своею государескою рукою, а они черкасы, будуть ему, государю, какъ есть каменная стѣна, и чтобы онъ, государь, имъ помочь учинилъ ратными людьми, а они черкасы, ему государю, впередъ будуть надобны. И онъ-де патріархъ Хмельницкому говорилъ, чтобы они всегда искали царскіе милости. И гетманъ говорилъ, что онъ весь въ его государевѣ воль; какъ государь велитъ, такъ онъ и дѣлать радъ. И о томъ де у гетмана будетъ сеймъ, а съ сейму пришлетъ ко государю пословъ, а что на сеймѣ приговорить и съ какимъ дѣломъ ко государю гетманъ пословъ пришлетъ, того де онъ не вѣдаетъ. Да онъ де, патріархъ, какъ у нихъ черкасовъ былъ, и онъ всю ихъ мысль видалъ, что они подъ государевою рукою быти желаютъ“. Заявилъ патріархъ при разспросахъ и слѣдующее: „а то де онъ, патріархъ, слышаль у Хмельницкаго: какъ они черкасы съ поляки помирятся и имъ, сложась съ крымскими татары, итти многими людьми на турскаго чрезъ волоскую и мутьянскую землю, а волоской и мутьянской будуть съ нимижъ, а только де волоскому и мутьянскому съ ними на турскаго нейти и имъ самимъ отъ нихъ черкасъ и отъ татаръ опасеніе большое, потому что нынѣ у нихъ малолюдно, многіе побиты отъ венеціана и межъ себя междуособіе“.

О себѣ и о дѣлахъ св. Гроба патріархъ заявилъ: „онъ учинился во Іерусалимѣ въ патріарсѣхъ на патріархово на Іооаново място тому нынѣ 4 года; а какъ онъ нынѣ поѣхалъ изъ Іерусалима, и онъ де приказалъ послѣ себя вѣдать духовныя дѣла виѳліумскому митро-

политу, а мірскія дѣла інъмъ своимъ приказнымъ людямъ. А поставляють-де іерусалимскихъ патріарховъ вселенскіе патріархи,— буде коли который патріархъ прилучится, а коли патріарха неслучитца, ино іерусалимскіе патріархи поставляемы бывають отъ виолюмскаго митрополита и отъ іныхъ властей”.

„А православнымъ христіаномъ ко Гробу Господню приходити повольно, а кому-де у Гроба Господня слу-
читца помолиться и съ нихъ емлють турки по 7 ефим-
ковъ съ человѣка. А на Гробъ де Господень благодать
св. Духа небеснымъ огнемъ сходитъ по прежнему въ
великую субботу: стоитъ-де у Гроба Господня 800 кан-
диль, и турки де тѣ кандила всѣ погасяте въ великую
пятницу, а въ великую субботу на вечерни отомкнутъ
турки Гробъ Господень, а съ него, патріарха, снимутъ
сакъ и коруну, и какъ на вечерни учнутъ пѣти литію
и въ то время входить патріархъ ко Гробу Господню,
а турки тутъ же входять и осматриваютъ Гроба Госпо-
дня—спелъ-ли на Гробъ Господень огнь съ небеси, и
будетъ еще не спелъ, отъ Гроба Господня выходять
и ожидаютъ, какъ на Гробъ Господень огнь съ небеси
сойдетъ. А какъ огнь съ небеси сойдетъ, и перво-де
отъ того огню засвѣтится въ паниклилѣ христіанскомъ,
которое стоитъ надъ Гробомъ Господнимъ, свѣча, а
потомъ на камени, что на Гробъ Господни, а потомъ
по всему Гробу Господню разсыплется, что краплины,
и оттого-де огня онъ, патріархъ, засвѣчаетъ свѣчи и
даётъ во весь міръ. И было-де единова, что Софро-
нія патріарха іерусалимскаго, какъ онъ изъ Царягорода
пріѣхалъ, турки въ великую субботу не хотѣли пустить
въ церковь, а просили у него за то подарковъ боль-
шихъ, и онъ имъ въ томъ отказалъ и подарковъ ничего
недалъ,—и онъ де то видѣлъ и виѣ церкви, какъ огнь

съ небеси въ церковь на Гробъ Господень сполъ. Да
въ нѣкое де время прилучилось быть армянскому праз-
нику—великому дню вмѣстѣ съ христіанами, и они де
дали туркамъ 20,000 ефимковъ, чтобы имъ отпечатать
Гробъ Господень, чтобы огнь съ небеси спелъ на Гробъ
Господень при нихъ—армянахъ. И какъ де Гробъ Гос-
подень отпечатали, и огнь де съ небеси при нихъ на
Гробъ Господень не спелъ, а спелъ на руки и засвѣ-
тило свѣчи у нѣкоторой инокини, которая прилучилась
въ то время въ церкви Воскреснія Христова¹. И во

¹ Русскіе сильно интересовались небеснымъ іерусалимскимъ огнемъ и его свойствами, хотя относительно послѣдняго очевиды и разногласили. Такъ, русскій паломникъ Василій Гагара (1634—1637 гг.) говоритъ: «огнь же небесный багровиденъ, а некакъ прочай огнь естественъ отъ земнаго огня. Азъ же, Василій, у митрополита зажегъ въ едину руку двадцать свѣчъ и нача браду свою палити тѣмъ огнемъ, и не единъ отъ власъ брады мои погибе и несгорѣ; и азъ грѣшный токмо увѣровалъ, что небесный огнь есть, како не сожгло брады мои отъ огня какова бываетъ отъ естественнаго огня, что многія вещи пожигаетъ; также и въ другорядъ и въ третій палиль браду свою, и никакоже прикоснулся огнь власомъ моимъ. Азъ же, Василій, прощенія просилъ у митрополита въ томъ, что невѣрованіемъ одержимъ быль, чаихъ, что греки тотъ огнь составляютъ своимъ умышленіемъ, а не небесный огнь сходитъ съ небеси». (Сказанія русск. народа—Сахарова, т. II, стр. 120). Іона Маленький, вмѣстѣ съ Ар-
сеніемъ Сухановымъ посѣтившій Іерусалимъ (въ 1652 г.) и видѣвшій весь обрядъ при схожденіи небеснаго огня, замѣчаетъ только: «а того не вѣ-
домо, какъ у него (патріарха Паисія) тѣ свѣщи засвѣтятся: огнь веш-
ественій, какъ есть огнь». Самъ Арсеній Сухановъ, описывая церемонію
небеснаго огня, не говоритъ того, какъ онъ появляется и каковы его
свойства (Арсеній Сухановъ—С. А. Бѣлокурова, т. I, стр. 290). Когда въ
1653 году жившій въ Москвѣ сербскій митрополитъ Михаилъ отправился
на поклоненіе св. мѣстамъ, то ему дано было порученіе развѣдать отно-
сительно небеснаго іерусалимскаго огня все пообстоятельнѣе. Воротив-
шись въ Москву 16 Сентября 1657 года, Михаилъ далъ такое показаніе
о своихъ развѣдкахъ относительно небеснаго іерусалимскаго огня: въ ве-
ликую субботу передъ вечернею, какъ пришло время идти въ самый Гробъ
Господень, намѣстникъ патріаршій (а самаго патріарха не было) и онъ,
митрополитъ, ходили около палатки трижды съ незажженными свѣчами.
Намѣстникъ вошелъ внутрь Гроба, и хотя даваль митрополитъ почестъ
немалую турчину, чтобы ему войти въ Гробъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ,
но онъ заказалъ турчанамъ, чтобы опричь его не пускатъ во Гробъ ни
митрополита, ни кого либо іныхъ, и далъ имъ за то почестъ большую.
Намѣстникъ войдя внутрь Гроба одинъ, затворилъ за собою двери, быль

Іерусалимѣ-де есть люди десяти разныхъ вѣръ, только де они, православные христіане, съ ними совѣту не имѣютъ и церковь христіанская ихъ непріемлетъ“. Кромѣ того патріархъ говориль, что въ отсутствіе его изъ Іерусалима во время Пасхи, на вечеріи Свѣтлаго Христова Воскресенія, огнь съ небеси на Гробъ Господень сходитъ таковъ, какъ и при немъ.

О своихъ отношеніяхъ къ другимъ патріархамъ Паисій объявилъ, „а вселенскіе-де три патріарха, александрийской, антіохійской и онъ, іерусалимскій, межъ себя совѣты держать, покамѣста и свѣтъ стоитъ, и межъ себя ссылаются, а у цареградскаго-де патріарха съ своими властыми живетъ временемъ смута и почасту ему живетъ перемѣна. А папа-де напередъ сего къ іерусалимскимъ патріархомъ присыпалъ, да какъ отняли у него, папы, Виолюмъ и съ тѣхъ-де мѣстъ у папы съ ними, патріархи, ссылка перестала“. Въ заключеніе патріархъ Паисій предъявилъ привезенную имъ для государя, государыни и всей царской семьи святыню¹.

тамъ полчаса и вынесъ съ собою свѣчи зажженныя, говоря, что онѣ засвѣтились отъ Гроба Господня дѣйствіемъ св. Духа и раздавалъ свѣчи сіи митрополиту, армянскому патріарху и прочимъ людямъ. «И митрополитъ де Михаиль того огня испытывалъ, и отъ него-де жаръ и палить также, какъ и отъ прочего вещественнаго огня; а какимъ образомъ у намѣстника патріаршаго возжегся огнь у Гроба Господня, онъ невѣдѣеть, потому что его, митрополита, туда непустили, а уже только по выходѣ намѣстника входилъ онъ и прочие люди для поклоненія (Греч. дѣла 7166 г. № 3).

¹ Патріархъ Паисій привезъ съ собою святыню и подарковъ для государя: «складни—писано Спасовъ образъ, а на другой сторонѣ Богородица съ предвѣчнымъ младенцемъ, а позади Никола чудотворецъ на золотѣ; крестъ рѣзной древянъ со многими праздниками; мощи св. Меркурія, мощи св. Пантелеимона, мощи св. Феоклы; изъ разныхъ мѣстъ святая земля: отъ святаго Виеліема, гдѣ Христосъ родился, земля отъ Йордана рѣки, отъ горы, гдѣ постился Христосъ 40 дней, отъ святыхъ Голгоѳы, отъ св. Гроба Господня; чертежъ святаго града Іерусалима со всѣми святыми мѣстами; свѣчи—святаго огня схожденіе; поясы—мѣра св. Гроба; святая вода изъ Йордана рѣки; ладанъ росной, четки отъ святыхъ мѣстъ неранжевые; водка свербординная, водка неранжевая; бархатъ веницейской цвѣтной

4 Февраля государь назначилъ быть у себя іерусалимскому патріарху Паисію со свитою, да изъ Іерусалима же монастыря св. Саввы Освященнаго архимандриту Неофиту, да Македонскія земли Никольскаго монастыря архимандриту Гаврілу.

Представлениe патріарха государю совершилось по опредѣленному, ранѣе составленному церемоніалу. Государь ожидалъ пришествія Паисія въ золотой палатѣ на своемъ царскомъ мѣстѣ въ царскомъ платьѣ, діадимѣ со скипетромъ въ рукахъ, а около него бояре, окольничіе и дворяне большіе были въ золотномъ платьѣ. Въ проходной палатѣ дворяне и дьяки изъ различныхъ приказовъ были также въ золотномъ и цвѣтномъ платьѣ равно какъ и дворяне и дѣти боярскіе и подъячіе всѣхъ приказовъ, стоявшіе по крыльцу до благовѣщенской паперти. А у собора Благовѣщенія стрѣльцы трехъ приказовъ въ чистомъ платьѣ стояли въ кремль безъ ружья—отъ благовѣщенской паперти до соборной церкви Успенія Богородицы и по мосту до Кирилловскаго подворья и святыхъ воротъ, гдѣ надлежало идти патріарху. Когда патріархъ входилъ на крыльцо, то, по государеву указу, его вышли встрѣтить, изъ проходной палаты противъ средней лѣстницы, окольничій князь Василій Ахамашуковъ—Черкаскій и дьякъ Мина Грязевъ, а при входѣ патріарха въ царскую палату, явилъ патріарха государю окольничій князь Федоръ Федоровичъ Волконскій. Государь вставъ встрѣтилъ патріарха отъ мѣста съ полсажени, и благословилъ патріархъ государя, причемъ патріархъ попѣловаль

серебряной; два полотенца шиты золотомъ волоченымъ; сорочка тонкая турская; полотенце большое; масло отъ Іерихона града лечебное; мыла большіе; сахару леденцу двѣ коробки; два вѣнчика веницейскихъ». Государынѣ и членамъ царской семьи патріархъ также привезъ отъ святыхъ мѣстъ воду, землю, свѣчи, а затѣмъ мыла, атласы и т. под.

государеву руку, а государь спросилъ патріарха о спасеніи. Послѣ этого патріархъ сказалъ государю слѣдующую рѣчь:

„Благочестивому, православному, Богомъ вѣнчанному, державному, милостю Божію великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Русіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, смиреніе наше молитъ вседержителя Бога и святаго и живодавцова Гроба Господа нашего Іисуса Христа, да подастіи вашему царскому величеству здравіе, благоденствіе, умноженіе на всякое благое, державу и побѣду на враговъ видимыхъ и невидимыхъ, душевное спасеніе и тѣлесное здравіе въ безконечные вѣки аминь.

„Слышачи малъ и великъ достохвальное имя мудрости и великолѣпіе и добродѣяніе, аще и юнь сый въ возрастѣ своемъ царь Соломонъ, но велію благодать дарова ему Царь царей и Господь, восприбѣгали ото всего свѣту съ великою радостію и желаніемъ видѣти и воспріяти пресвѣтлое лице его и слышати гласа его, и то имѣли великое дарованіе себѣ. Такожде благочестивый, христіанскій Богомъ почтенный царю и самодержцу Московскій и всеа Руси, государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, слыша и мы, богомольцы ваши, преславное и похвальное имя, добродѣтельное, разумное и Богомъ дарованное, имъ же никто же не украшень, токмо святое ваше царствіе бысть, и сего ради мы неустрашилися путныхъ трудовъ, не побоялись погибели морскіе, разбойниковъ, ни воинскихъ людей, но прїехали есми съ великою радостію получить (видѣти?) Богомъ почтенное лице державнаго вашего царствія въ юнѣ возрастѣ, а въ старости смысленаго разума, аки Соломонъ отъ святости подорованъ. Хри-

стіанскій царю! ино вамъ даровалъ великодарный Господь толикой даръ милости и благословити васъ, якожъ и прежде мене блаженные патріарси бывшихъ благочестивыхъ царей и самодержцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ превысочайшаго вашего царствія, благословили. Пресвятая Троица — Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, едино царство и господство, благословить державное ваше царствіе, да умножить васъ превыше всѣхъ царей и покажеть васъ побѣдителемъ и одолѣтелемъ на сопротивныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, якоже и древнихъ и новыхъ царей—царя Давида, царя Езекія и великаго царя Константина, да утвердить васъ и умножить лѣта во глубинѣ старости, благополучно сподобить васъ воспріятии вамъ превысочайшій престоль великаго царя Константина, прадѣда вашего, да освободишь народъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ отъ нечестивыхъ рукъ, отъ лютыхъ звѣрей, что поѣдаютъ немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши нась отъ плѣненія, якоже онъ освободиль сыновъ израилевыхъ отъ фараонскихъ рукъ жезломъ, знаменіемъ честнаго животворящаго креста. Якоже соблюль Господь невредимо трехъ отроковъ отъ пещи огненной и пророка Даніила отъ лютыхъ львовъ, также соблюдетъ и святое ваше царствіе отъ всякаго зла и ото всякаго видимаго и невидимаго врага, да подастъ вамъ всякое благое небесное и земное, и потомъ во глубокой старости сподобить васъ святому его царствію и въ ликъ благочестивыхъ и православныхъ царей праотцевъ вашихъ, якоже и великаго царя Константина, что онъ бысть первый сорудитель и освободилъ святый и живодавный Гробъ Господа нашего Іисуса Христа нетокмо супротивныхъ православные христіанскіе вѣры, и еще отъ ненавистниковъ и еретиковъ и агарянъ, и сего

ради нарекся отъ святыхъ отецъ равноапостоломъ. О семь молимъ державной силѣ Господней, такожъ и великое ваше царствіе, воспомянеши и призриши прежнихъ дѣяній, и какъ нынѣ пребываетъ сія святая наша церковь, мати всѣмъ церквамъ, изобижена и попираема отъ безбожныхъ насильниковъ агарянъ и супротивныхъ еретиковъ, для своей славы, и сего ради великое ваше царствіе покажеши и объявиши милость и помощь къ сей божественной нашей церкви, получиши и будеши имѣти такоеже имя равноапостоломъ царя Константина“.

Послѣ рѣчи окольничій князь Федоръ Федоровичъ Волконскій явилъ государю отъ патріарха святыню, перечисленную нами выше. Государь приказалъ принять сіи священные дары казеннымъ дьякамъ, а патріарха пригласить сѣсть на лавкѣ на правой сторонѣ отъ себя межъ оконъ. Затѣмъ явлено было патріарху государево жалованье чрезъ того же окольничего Волконскаго: „кубокъ серебрянъ золоченъ, бархать чернъ, бархать вишневъ рытой, атласъ гвоздиченъ, атласъ таусикъ, камка зелена, камка вишнева, два сорока солбей, денегъ 200 рублей“, а всего патріарху дано на 426 рублей¹. Когда патріархъ пошелъ изъ царской палаты, государь провожалъ его до тѣхъ же мѣстъ, где встрѣтилъ, а бояре и окольничіе и думные люди провожали патріарха изъ палаты въ сѣни до дверей, что на красное крыльцо и у патріарха благословлялись всѣ; а встрѣчники провожали до тѣхъ же мѣстъ, где встрѣчали.

Отъ себя государь указалъ идти патріарху въ соборную церковь Успенія Богородицы къ святѣйшему Іосифу, патріарху московскому и всея Россіи. Патріархъ

¹ На наши деньги нѣсколько болѣе шести тысячъ.

Іосифъ въ то время готовился къ служенію въ соборѣ и уже былъ во всемъ святительскомъ облаченіи на устроенномъ мѣстѣ, какъ чинъ ведется въ службѣ; а отъ патріарха къ амвону по обѣ стороны стояли митрополиты, архіепископы и епископы въ святительскихъ облаченіяхъ. Архимандриты, игумены, протопопы, попы и дьяконы были въ саженыхъ ризахъ. Патріархъ іерусалимскій, пришедъ въ соборъ, прикладывался къ обrazамъ и чудотворцевымъ гробамъ и, обойдя всю церковь, дошелъ до ризы Господней, къ которой и приложился, а затѣмъ подошелъ къ Іосифу патріарху, который встрѣтилъ его сѣдь съ своего мѣста на сажень, и межъ собою во Христѣ цѣловались. Іосифъ спрашивалъ іерусалимского патріарха о здоровью, молвивъ: „святѣйшій патріархъ Паисій святаго града Іврусалима и всея Палестины во здравіе-ли и во спасеніе пребываешь“? Послѣ сего ходили къ іерусалимскому патріарху принять благословеніе митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, протопопы и попы, которые съ патріархомъ Іосифомъ въ соборной церкви къ службѣ были готовы. Прѣвѣтие были государевой большой станицы. Паисію приготовлено было особое мѣсто: по правую сторону задняго столпа положены были коверь и орлецъ. Когда начали служить обѣдню, патріархъ Паисій „говорилъ переводчику Ивану Боярчикову, что онъ, патріархъ, той же православной христіанской вѣры и чтобы ему въ литургію стояти въ олтарѣ и службы посмотретьи“. Объ этомъ желаніи Паисія доложили Іосифу патріарху. „И по выходѣ съ евангеліемъ Іосифъ патріархъ высладъ изъ алтаря по іерусалимскаго патріарха дьяконовъ и поддьяконовъ, а велѣлъ іерусалимскаго патріарха взять къ себѣ въ алтарь царскими дверьми, а во алтарѣ построено ему мѣсто у царскихъ

дверей отъ алтаря съ правой стороны, и на томъ мѣстѣ іерусалимскій патріархъ стоялъ во всю обѣдню на орлѣцѣ“. Послѣ обѣдни Паисій опять прикладывался къ образамъ, къ ризѣ Господней, къ чудотворцевымъ гробамъ и, простясь со святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ, пошелъ изъ церкви къ себѣ, а провожали его до саней патріаршій бояринъ Василій Федоровичъ Яновъ, да дѣякъ, да пречистенскій (соборный) ключарь.

22 Февраля, вслѣдствіе просьбы патріарха Паисія, государь велѣлъ его отпустить со всею его свитою въ Троицкій Сергіевъ монастырь помолиться. У Троицы царь указалъ сдѣлать Паисію такую же встрѣчу, какую обыкновенно оказываются тамъ московскимъ патріархамъ т. е. „архимандритъ, попы и дѣяконы, говорить царскій наказъ, были въ саженыхъ ризахъ и пѣли вечерню и всенощное, учиня которому святому празднество, и почесть бы патріарху учинили противъ прежняго іерусалимскаго патріарха Іоѳана, также и архимандритомъ, и старцомъ и всѣмъ служебникомъ, которые съ нимъ, патріархомъ, будутъ, любовь и пріятельство показали; а на завтреебъ учинити на патріарха столъ большой и юству велѣти ставить на серебряныхъ блюдахъ, а питье въ кубкахъ и братинахъ серебряныхъ, чтобы имъ во всемъ оказаться довольствомъ стола“. Кромѣ того царскій наказъ повелѣваетъ троицкимъ властямъ одѣлить патріарха и всю его свиту дарами, какие даны были прежде патріарху Іоѳану.

Предъ наступленіемъ великаго поста патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій Приказъ листъ, въ которомъ, разсуждая о важности поста, желаетъ Государю провести его „здраво и радостно и невредимо“ и „соверша чисто сей святый путь, потомъ видѣти свѣтъ Святаго Воскресенія“. Въ концѣ своего разсуж-

денія патріархъ пишетъ и слѣдующее: „еще пребывающи азъ при вашей милости въ прошлые дни, говориль есми со преподобнымъ архимандритомъ спаскимъ Никономъ, и полюбилась мнѣ бесѣда его; и онъ есть мужъ благоговѣйный и досужъ и вѣрный царствія ващего; прошу да будетъ имѣти повольно приходить къ намъ бесѣдовати подосугу, безъ запрещенія великаго ващего царствія“. Послѣ поставленія архимандриита Никона въ новгородские митрополиты, Паисій снова прислалъ въ Посольскій приказъ письмо, въ которомъ восхваляль государя за такой удачный выборъ. „Похвалиемъ благодать, пишетъ Паисій царю, что просвѣти васъ Духъ Святый и избрали есте такого честнаго мужа, преподобнаго инокосвященника и архимандриита господина Никона, и возведе его великое ваше царствіе на святый престолъ святые митрополіи Новгородскіе, и онъ есть достоинъ утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова, якоже глаголеть апостолъ: таковъ намъ подобаше архіерей, и будетъ молити Бога о многолѣтномъ здравіи великое ваше царствіе“. Въ заключеніе Паисій выражаетъ желаніе, если позволить государь, подарить Никону одну мантію отъ святыхъ мѣсть.

Не съ однимъ только Никономъ вель бесѣды Паисій по разнымъ церковнымъ вопросамъ, но и съ самимъ государемъ, а также и съ патріархомъ Іосифомъ онъ „учинилъ соглашеніе“. Въ письмѣ отъ 15 Февраля Паисій пишетъ государю: „Относительно святой четыредесятницы царствіе твое изволило послать своего боярина спросить нась, чтобы мы относительно ея учинили соглашеніе со святѣйшимъ патріархомъ, братомъ и сослужителемъ; и я сказалъ, что въ продолженіе всего года должна совершаться божественная литургія въ два

часа, а въ святую и великую четыредесятницу, которой научилъ насть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, должно поститься до отпуста вечерни, такъ какъ она есть одесяствованіе всего года, дабы исповѣдывались христіане для заглажденія грѣховъ и очищенія душъ, если что они содѣяли во весь годъ. И, какъ говорятьъ божественные законы и уставъ, мы не должны ни прибавлять, ни исключать что либо изъ установленій св. апостоловъ и св. отцевъ. Я же, долгоденствующій царь, сказалъ твоему боярину, чтобы было такъ, какъ рѣшено тобой, ибо въ праздникъ святаго я спросилъ твое царствіе о литургіи, и ты приказалъ, какъ пишеть уставъ. И мы его неуклонно держимся, а новшества отвергаемъ; и святую четыредесятницу мы должны соблюдать по мѣрѣ силъ. Если народы, не имѣющіе закона, дѣлаютъ законное, то тѣмъ болѣе мы, православные, должны дѣлать это. И я, услышавъ царское твое слово, что указать слѣдоватъ уставу, очень возрадовался; и по этому-то я и сказалъ: какъ твое изволеніе, такъ-какъ мы должны содержать не иное что, какъ то, чemu научили насть св. апостолы и что узаконили соборы св. отцевъ.

2 Марта патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ грамату къ государю, въ которой писалъ: „съ надеждой помыслилъ писати державному вашему царствію, благочестивый царю, яко ты еси похвала и слава всѣмъ благочестивымъ христіанамъ всего свѣта, и славу благочестиваго великаго вашего царствія имѣмъ якоже солнце освѣщающее весь міръ своими лучами. Единий человѣкъ, многолѣтный царю, да воспросить единий даръ отъ Бога съ молитвою, со слезами и съ моленіемъ, и то есть возможно воспріятии прошеніе его; такоже и азъ восприбѣгаю къ милости

и милосердію великаго вашего царствія: мочь имѣете освободити сію святую великую церковь, что погибаетъ отъ еретиковъ и по вся дни побирающе дарами ко агаряному, для взятія святыхъ поклонныхъ мѣстъ отъ нашихъ рукъ; а мы труждаемся день и ночь, да небудетъ посрамленія православнымъ христіаномъ. Сего ради молимъ державному великому вашему царствію, да неотбудеть великая ваша милость отъ тѣхъ святыхъ и богостепенныхъ мѣстъ, да тутъ бысть спасеніе наше: тутъ прорекоша пророцы воплощеніе Христа Бога нашего, ту во всякомъ Виолеемъ родися и во Йордани крестися и на Елеонской горѣ вознесеся, и въ сей божественной церкви распяся и погребенъ и воскресе, и туже паки приидетъ второй и страшный Его судъ и воздаяніе всякое по дѣламъ его, и ту будетъ воспріятии благая своя. Воспомяни великое ваше царствіе великаго царя Константина и его матерь св. Елену, что они соорудиста св. Гробъ и св. Виолеемъ и всѣ поклоняемыя святыя мѣста и монастыри, и нынѣ, во времяни вашего великаго царствія, да освободите св. Гробъ и церковь Христову, да наречешися и будешь воспомянутъ новый царь Константинъ, да услышишь и сподобишися гласа Господня: приидите благословеніи Отца моего! да возмогу и азъ ѿхати къ престолу моему на упокой и буду молити Бога день и нощь о здравіи и о спасеніи царствія вашего. Еще молимъ и о семъ: аще будетъ произволеніе великаго вашего царствія, да повелите святымъ архіереемъ и святымъ монастыремъ и пресвѣтлымъ вельможамъ, да воспомянути св. Гробу, понеже великое ваше царствіе речеть—и бысть, да будете имѣти славу и похвалу отъ всего міра».

Обращался патріархъ съ просьбою о милостынѣ и къ членамъ царской семьи. Царицѣ Паисій писалъ:

„покажи милость свою... какъ вамъ Богъ извѣстить—ризами или церковными сосуды по вашему произволенію“. Царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ патріархъ предлагалъ на выборъ одарить его „ризами или иконами, или сосуды церковными, какъ вамъ Богъ извѣстить“. Царевну Анну Михайловну просилъ пожертвовать „хотя ризы ерейскіе или архіерейскіе, или инымъ, и сосуды церковными, какъ вамъ Богъ извѣстить“. Иконъ, ризъ и сосудовъ церковныхъ просилъ Паисій и у царевны Татьяны Михайловны.

Послѣ Пасхи патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ чelобитную государю о своемъ отпускѣ въ Іерусалимъ: „потому что, писаль онъ, еретики тѣхъ мѣсть нась ненавидятъ и неперестануть нечестивые тѣхъ нашихъ св. мѣсть обижать повседневно, потому что нынѣ имъ непомѣшка во всемъ изобижати тѣхъ нашихъ святыхъ мѣсть для того, что я оттоды давно отъѣхалъ, и того для нынѣ имъ во всемъ про странно стало изобижать тѣхъ нашихъ св. мѣсть... Только для утѣшненія и долгу и обидъ и налогъ еретическихъ, яко выше сего писано, поспѣшаю єхати“. Вслѣдствіе этой чelобитной указомъ 5 Мая государь приказалъ быть у него на другой день патріарху Паисію на отпускѣ, который и состоялся 6 Мая. Государь принималъ патріарха въ золотой палатѣ со скіпетромъ въ рукахъ, въ діадимѣ и царскомъ платьѣ, при той же обстановкѣ и при соблюденіи тѣхъ церемоній, какія были и при приемѣ патріарха „на прїездѣ“. Думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ отъ имени государя говорилъ между прочимъ: „а яже о насиліи святымъ мѣстомъ отъ безбожныхъ турокъ содѣваемая, и сіе съ болѣзню душа и сердца нашего слышимъ, но воли Божіей противитися никто же можетъ, той бо вѣсть, яже

ко спасенію нашему устроити. Обаче же непрестанно попеченіе о семъ имѣемъ, чтобы Господь Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ и св. Гробъ, о немъ же и святый градъ Іерусалимъ, возвратилъ въ руцѣ благочестивыхъ царей, еже и уповаемъ на щедроты Его, яко, по наказаніи, восхощетъ паки помиловать люди своя, и очи наши возведетъ на первообразное. А нынѣ мы великий государь, по вашему прошенію, тебя, святѣшаго патріарха Паисія, отпускаемъ во святой градъ Іерусалимъ. А мы, великий государь, васъ, отпovъ и bogомольцевъ нашихъ, въ забвеніи не учинимъ, и напшимъ царскимъ жалованьемъ милостыню, ажъ дастъ Богъ, впередъ неоставимъ“. Затѣмъ дьякъ объявиль патріарху государево жалованье „на милостыну и на искупленіе святому животворящему Гробу Господню собольми на 4000 рублей“. Лично же самому патріарху Паисію на отпускѣ дано было государемъ разныхъ подарковъ столькоже, сколько и на прїездѣ т. е. на 427 рублей, Кромѣ того „Паисію же патріарху дано въ трехъ столехъ, какъ былъ у государя и великий день и на ево государевы и на царицыны имянины, на 274 рубли, на 20 алтынъ, 3 деньги“.

Какъ мы видѣли, еще 29 Января патріархъ Паисій заявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что гетманъ Хмельницкій и все войско казацкое уполномочили его просить государя, чтобы онъ оказалъ имъ помощь войскомъ въ борьбѣ съ поляками и чтобы принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Когда 6 мая Паисій былъ на прощальной аудіенціи у государя, онъ, вышедъ изъ царской палаты, послалъ пристава князя Мышецкаго просить государя, чтобы государь прислалъ къ нему своего боярина, которому онъ объявить „государево тайное великое дѣло“. Государь выслалъ къ Паисію боярина

дворецкаго Алексея Михайловича Львова и думнаго дьяка Михаила Волошенинова. Паисій заявилъ посланнымъ, чтобы ему объявлено было рѣшеніе, относительно привезенного имъ предложенія о казакахъ. 9 Мая Львовъ и Волошениновъ были у патріарха Паисія и говорили ему, что они доносили дѣло государю и тотъ указалъ имъ передать патріарху, „что его царскому величеству своихъ государевыхъ ратныхъ людей на помочь войску запорожскому завѣчнымъ докончаньемъ дати и войска запорожскаго съ землями въ царскаго величества сторону принять нельзя, и вѣчнаго докончанья никакими мѣрами нарушить немочно. А будетъ гетманъ Хмельницкій и все запорожское войско своею мочью у короля и у пановъ рады учинятца свободны, и похотятъ быти въ подданствѣ за великимъ государемъ нашимъ, за его царскимъ величествомъ, безъ нарушенія вѣчнаго докончанья, и великий государь нашъ, его царское величество, его, гетмана, и все войско запорожское пожалуетъ, подъ свою царскаго величества высокую руку принять веліть“.—„И патріархъ говорилъ:proto-де, что у царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими и съ Польшею и Литвою вѣчное докончанье ему, патріарху, было не вѣдомо; а коли-де межъ обоими великими государи и ихъ великими государства вѣчное докончанье, и онъ де, патріархъ, и самъ то знаетъ, что ему великому христіанскому государю, его царскому величеству, того вѣчнаго утвержденія по дѣлу нарушить не мочно, а надобно остерегати. А казаки де запорожские люди простые, говорятъ незнанющи ничего“. „И патріарху говорено: а будетъ черкасомъ за православную христіанскую вѣру учинитца тѣснота и гоненіе, а пойдутъ они за царскаго величества сторону, и великий государь

нашъ, его царское величество, для православные христіанскіе вѣры, ихъ пожалуетъ, веліть принять безъ земель, потому что послѣ вѣчнаго докончанья съ обѣ стороны переходить повольно“.—„И патріархъ на государевѣ жалованыи былъ челомъ, что де царское величество пожаловалъ, велѣль ему о вѣчномъ докончаныи объявить, и онъ на государевѣ жалованыи бѣть челомъ, и какъ будетъ въ войскѣ запорожскомъ и онъ имъ про то скажеть“.

21 Мая патріархъ Паисій прислалъ въ Посольскій приказъ грамату къ государю, въ которой извѣщаетъ, что пріѣхалъ къ нему, патріарху, старецъ изъ Іерусалима, который привезъ къ нему письмо о томъ, какія смуты происходятъ на христіанскомъ востокѣ отъ еретиковъ, также и о долгахъ іерусалимскихъ, причемъ патріархъ писалъ между прочимъ: „аще владыко нашъ вопросишъ о царьградскихъ вѣстяхъ и о турскомъ салтанѣ, и онъ есть въ юне возрастѣ и будетъ великая побѣда во днехъ его, потому что на великий ихъ байрамъ єздилъ молитца ко святѣй Софїи, и пришедъ нѣкіе христіане, предъ нимъ сняли шапки и кинули,— невозмогли терпѣть обидъ великихъ и налогъ, что творять надъ ними, и говорили: побосурманите де нась! И такъ испужалась лошать подъ салтаномъ, и упала съ него чалма и съ перомъ, и всѣ турки тому удивились и возопили: Боже, Боже! и рекли, что царству турецкому вскорѣ погибнуть. Еще и слыша про московскаго царя, зѣло страшны пребываютъ: чаютъ про казаковъ, что они дѣлаютъ царскимъ повелѣніемъ вся сія....“.

27 Мая патріархъ Паисій былъ на прощаныи у государя въ селѣ Покровскомъ, причемъ государь пожаловалъ велѣль дать патріарху своего государева жало-

ванія—соболей на 300 рублей, да отъ государыни ему дано было соболей на 300 рублей, да отъ царевенъ соболей на 400 рублей.

10 Іюня патріархъ Паисій виѣхалъ изъ Москвы въ сопровождениі пристава Ивана Юрьевича, причемъ на дорогу до рубежа ему велѣно было дать на кормъ деньгами 50 рублей, да множество всевозможныхъ припасовъ—рыбы, хлѣбовъ, питій. Всѣ его спутники получили также на дорогу деньги, кормы и питья, и подобно патріарху, казенные подводы до рубежа. Вмѣстѣ съ Паисіемъ отправились изъ Москвы во Іерусалимъ и русскіе люди: извѣстный Арсеній Сухановъ, Троїцко-Сергіева монастыря черный діаконъ Іона Маленькій, Чудова монастыря черный попъ Лукьянъ и клирики: Евфимій, Паҳомій, Акила Босой и подъячій Васька Кудринъ.

Съ первого же стана отъ Москвы патріархъ Паисій прислалъ государю грамату въ которой пишеть: „существовалъ древній обычай у іерусалимскихъ патріарховъ, чтобы когда божественный промыслъ хотѣль и бывало Божіе вѣнчаніе (на царство) православнѣйшаго царя, (разумѣется Константинопольскаго), считаль за нужное и обрѣтавшіяся тогда Іерусалимскій патріархъ пойти для поклоненія новому царю, для молитвъ за него и для благословенія его. А такъ какъ божественному промыслу и Божіей премудрости, по благодати пресущественной, животворящей и нераздѣльной Троицы, угодно было отъ имени Бога вѣнчать благочестивѣйшаго, могущественнѣйшаго, православнѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя, господина Алексія Михаиловича, сына по духу вожделѣнѣйшаго нашего смиренія и самодержца всей Россіи,—то по внушенію св. Духа удостоился и я, богомолецъ великаго,

святаго и могущественного его царствія, приди и поклониться новому царю и благословивши его и помолившись, какъ надлежало, за него и за всю палату и воинство его. И онъ явилъ милость и принялъ и весьма почтилъ меня и явился новымъ ктиторомъ, подобно великому между государями Константину, помощникомъ и милостивымъ защитникомъ святѣйшей великой церкви святаго и живодавнаго Гроба“. Въ заключеніе патріархъ посылаетъ свои пожеланія царю и всей царской семье здравія, благополучія и т. п.

По прибытіи въ Путівль патріархъ Паисій прислалъ государю (отъ 1-го Іюля) грамату, въ которой сообщаетъ нѣкоторыя цареградскія вѣсти, полученные имъ отъ одного полонянника, о ходѣ борьбы между казаками и поляками, заявляетъ, что „откуды ни поѣду и что ни услышу, буду писати къ царствію вашему“, что онъ готовъ вообще на всякую службу государю, и за тѣмъ въ особой припiskѣ пишеть слѣдующее: „еще буди вѣдомо благочестивый царь, про Арсенія, который остался въ царствіи вашемъ, да распросите его добрѣ, понеже онъ неутвержденъ въ вѣрѣ своей благочестивой христіанской, а онъ былъ прежде инокъ и священникъ, и, шедъ, бысть бусурманъ; и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и бысть у нихъ учинился уніатомъ, и имѣеть всякое злое на себѣ бездѣліе, и распросите его добрѣ и будете обрѣсти вся. А тѣ старцы, которые пришли отъ гетмана, мнѣ все сказали подробнѣ, и велите распросить великое ваше царствіе, што мнѣ тѣ старцы рассказывали и люди Матвія воеводы (волошинскаго): есть-ли будетъ такъ или нѣть потому, что я писалъ къ патріарху господину Іосифу, брату и сослужителю. Утишите притчу ту лучши, что онъ самъ есть, штобъ небыло разврата церковнаго, и паки азъ буду

провѣдати подлинно и буду писать къ великому вашему царствію, понеже есми долженъ что ни услышу, то извѣщати и писати, потому что не подобаетъ въ нивѣ терну пребывать, чтобы ненаполнилась нива вся терніемъ, и надобно отженуть такожде и тѣхъ, которые имѣютъ ересь и есть двоевичны въ вѣрѣ. Я его обрѣль въ Киевѣ, и зная онъ (Арсеній) тотъ (русскій) языкъ, говорилъ съ полковникомъ (т. е. былъ переводчикомъ между патріархомъ и сопровождавшимъ его гетманскимъ полковникомъ) и я взялъ его, а онъ не мой старецъ, какъ есми сказалъ я приставу. О беззаконіи, что имѣете, я невѣдалъ, а нынѣ есми провѣдалъ и пишу къ великому вашему царствію, да будете соблюдатися отъ таковыхъ человѣкъ, чтобы не оскверняли церквей Христовыхъ такие поганые и злые люди". Арсеній грекъ, на котораго доносиль патріархъ Паисій, явился въ Москву въ свитѣ Паисія какъ его дидаскалъ, съ согласія Паисія былъ оставленъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя реторики, но вслѣдствіе приведенного доноса патріарха, былъ подвергнутъ допросу, подтвердившему справедливость извѣта, почему грекъ Арсеній и сосланъ былъ на Соловки подъ крѣпкое начало, а впослѣдствіи взятъ былъ Никономъ и сдѣланъ имъ книжнымъ спрѣвщикомъ¹.

Изъ Путивля Паисій прислалъ грамату и государынѣ, въ которой писалъ: „для храма живодавнаго Гроба твоє царствіе явилась новой ктиториссой, благодаря великой твоей милости и священнымъ сосудамъ, подареннымъ тобой, чѣмъ ты явила знакъ великаго благочестія подобно боговѣнчанной царицѣ святой Еленѣ. О если бы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подобно тому, какъ

¹ См. нашу статью: «Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ», Член. общ. любит. дух. просв. 1881 г. Іюнь.

ты всѣмъ средцемъ и душей пожаловала и облагодѣтельствовала великую церковь іерусалимскую, и тебя Онъ удостоилъ отъ росы небесной свыше и земныхъ плодовъ, а ты увидѣла въ плодѣ чрева своего государя боговѣнчаннаго на престолѣ великаго царя Константина, чтобы возликовало твое сердце, какъ у св. Елены. И да удостоить тебя Богъ, чтобы ты всегда жаловала и заступала живодавный Гробъ Христа. Много нуждается эта церковь въ твоемъ царствіи и да благословитъ тебя Богъ укрѣпить ее, подобно св. Еленѣ, которая воздвигла его изъ основанія. Еще объ одномъ прошу твое царствіе между многими прочими милостями, а именно: приготовить одинъ покровъ для святаго и живодавнаго Гроба, чтобы и эта милость была съ другими для вѣчной памяти о тебѣ. А священные покровы, посланные тобой намъ, мы получили въ г. Сѣвскѣ. Такъ какъ любовь и готовность твоя никогда не убываютъ по отношенію къ святымъ мѣстамъ, то мы въблагодарили и помолились Богу о долгоденствіи твоей жизни".

Прислалъ патріархъ Паисій грамоту изъ Путивля и думному дьяку Михаилу Волошенинову съ доносомъ на переводчика Посольского приказа Ивана Боярчикова. Паисій между прочимъ писалъ: „удивляюся сему тому проклятому переводчику Ивану—дьяволъ и измѣнникъ есть многолѣтнаго нашего царя, чтобы хлѣбъ его убиль, что онъ єсть! И ходя оглашаетъ и говоритъ изъ устъ своихъ нечистыхъ—отъ патріарховъ не прощеный,—и тайныхъ дѣлъ царскихъ нехранитъ, яже ходить по рядомъ съ единомышленными ворами, которыхъ онъ любить, и словеса имъ сказываетъ, что онъ хочетъ. Коли то бывало предъ и нынѣ, что тайна царева бысть явственна въ міру! И той есть не человѣкъ, но сатана и дьяволъ!" Въ объясненіе этого энергическаго доноса

Боярчиковъ заявилъ, что патріархъ Паисій еще въ Москвѣ былъ сердитъ на него по слѣдующему обстоятельству: Патріархъ, будучи на Москвѣ, былъ челомъ за кормовыхъ московскихъ гречанъ, которые постоянно ходили къ нему, чтобы ихъ поверстали помѣстьями, и то дѣло несостоялось, хотя послѣ, по патріархову члобитю, этимъ гречанамъ прибавили поденнаго корму. Причину неудачи первого члобитя гречане видѣли и указывали патріарху въ Боярчиковѣ, почему „патріархъ въ Москвѣ на него шумѣлъ“ и не велѣлъ было вовсе ходить къ нему, но потомъ простилъ его, взялъ къ себѣ въ провожатые до Путинля, гдѣ даже далъ ему, за своею рукою, прощальную грамоту. Кромѣ то Боярчиковъ заявилъ: „пріѣзжаютъ де къ Москвѣ многіе гречане бѣльцы, а надѣваютъ на себя чернеческое платье и привозятъ съ собою о милостынѣ отъ патріарховъ ложныя грамоты, а не за прямыми печатами. И онъ де, Иванъ, узнавъ ихъ воровство, прежде сего сказывалъ про то думнымъ дьякомъ Григорію Льзову и Назарью Чистого и тѣ де гречане за то на него, Ивана, ръятца, и оглашаютъ его патріарху всякимъ дурномъ“. Но всѣ старанія Боярчикова оправдать себя были напрасны, онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку.

12 Іюля патріархъ Паисій прибылъ въ Кіевъ, откуда прислалъ грамоту государю. Въ ней онъ писалъ: „Мы, долгоденствующій мой царь и самодержецъ... пишемъ, согласно своему обѣщанію, твоему великому царствію, чтобы ты обо всемъ узнавалъ и находился въ вѣдѣнїи относительно казаковъ и ляховъ. Въ день св. Владимира взялъ нась митрополитъ въ св. Софію и угощалъ нась со всѣми начальниками и полковниками. Въ тотъ день пришли отъ гетмана семь человѣкъ съ грамотами гетмана о томъ, чтобы послать порохъ и ядра и свинецъ

для войска, и было послано 12 бочекъ пороху и свинцу и премного ядеръ“. Затѣмъ патріархъ сообщаетъ о положеніи армій казацкой и польской, о побѣдахъ казаковъ вмѣстѣ съ татарами надъ польскими отрядами и потомъ пишеть: „если, дастъ Богъ мы будемъ здоровы, то не преминемъ извѣстить царство твое обо всемъ, что ни случится. Я жду отъ гетмана отвѣта на письмо, которое было передано мной полковнику и которое я писалъ для отвѣта, чтобы, какъ условились мы съ нимъ, возвѣстить его отвѣтъ твоему великому царствію. И для сего писалъ я обѣ отвѣтѣ этомъ гетману и сказалъ ему, что обо всемъ подробно говориль съ посломъ царства твоего. Написалъ я гетману и всѣ слова, которыя говорило мнѣ великое твое царствіе, что немогло быть отвѣчено иначе, и относительно этаго я написалъ ему: знаешь ты, гетманъ, что долгоденствующій царь имѣеть великую любовь къ милости твоей. Но не понравились имъ слова долгоденствующаго царя: не призвали меня сперва для этаго дѣла, хотя мое царство, благодаря Бога, изобилуетъ и людьми и средствами; я способенъ вмѣстѣ съ ними разрушить и Ляхію и другія царства; но онъ, гетманъ, взялъ себѣ татаръ, турокъ и другой сбродъ, потому-то я, блаженнѣйшій, и не подалъ имъ помощи; цари когда намѣреваются воевать, ведуть съ непріятелями войну собственными силами, а не посредствомъ сброва; поэтому-то я и не посыпалъ. Но да ниспоплѣтъ Богъ побѣду гетману съ христіанами, да побѣдить своихъ враговъ; и, если онъ опасается чего нибудь, то пусть не беспокоится: я ему помогу, такъ какъ я обязанъ охранять христіанъ и въ особенности ихъ, которыхъ я считаю какъ бы своими сыновьями, сосѣдями и сродниками своими; поэтому скажи гетману, что бы онъ мужался и боролся съ вра-

гами вѣры; въ случаѣ нужды я готовъ подать помощь для защиты христіанъ, да не утратятъ они и другія многія блага... Опять напишемъ твоему царствію въ подробности о томъ, что узнаемъ; у меня наготовѣ люди, для того, чтобы ихъ послать сей-часъ же, если что либо случится. Уповаю на Бога, что все случится по желанію твоего великаго царствія. И опять напиши мнѣ, благоденствующій царь, если нужно тебѣ еще что нибудь. Попли намъ письмо, чтобы оно нашло нась здѣсь, въ Кіевѣ... Извѣщай нась, долгоденствующій царь, нужно-ли тебѣ еще что нибудь, мы опять все исполнимъ".

Патріархъ Паисій прѣѣжалъ въ Москву съ цѣллю получить отъ государя милостыню на искупленіе св. Гроба. Милостыня дана была ему отъ государя и царской семьи нескудная: ему пожаловано было государемъ на искупленіе св. Гроба 4.000 рублей соболями, да самому патріарху лично дано было разныхъ подарковъ въ разное время на 2.000 рублей, а сверхъ того къ Гробу Господню съ нимъ посланы были церковные сосуды, ризы, иконы и покровы отъ царицы и царевенъ. Но кромѣ царя и царской семьи патріарху давали на милостыню власти, т. е. русскіе іерархи, начиная съ патріарха Іосифа, монастыри, бояре и разныя богатыя лица, такъ что всего Паисій вывезъ изъ Москвы на наши деньги тысячу на полтораста. Его многочисленная свита получила особые дары, соотвѣтственно положенію и рангу каждого отдѣльного лица. Но, кромѣ полученія милостыни, при посѣщеніи Москвы патріархъ Паисій преслѣдовалъ и другую цѣль.

Удачное возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ произвело сильное впечатлѣніе на православномъ востокѣ, и болѣе пылкіе умы посмотрѣли на это

дѣло какъ на начало имѣющаго скоро наступить освобожденія всѣхъ православныхъ народовъ изъ подъ турецкаго ига. Казаки своими отважными набѣгами на всѣ побережья Чернаго моря наводили сильный страхъ и на татаръ и на турокъ, почему православныя народности востока видѣли въ казакахъ ту грозную силу, которая способна была нанести туркамъ рѣшительный ударъ, особенно еслибы казаки соединились съ единовѣрною Москвою, образовавъ изъ себя одно государство. Для достиженія этой послѣдней цѣли нѣкоторые греческіе іерархи добровольно взяли на себя роль посредниковъ между московскимъ правительствомъ и казаками, стараясь привести ихъ къ взаимному соглашенію. Однимъ изъ такихъ посредниковъ между царемъ и Хмельницкимъ, возлагавшимъ на ихъ союзъ очень большія надежды въ интересахъ всего православнаго востока, былъ и патріархъ Паисій. На пути въ Москву онъ видѣлся въ Кіевѣ съ гетманомъ Хмельницкимъ, благословилъ его на рѣшительную борьбу съ поляками, убѣждалъ его принять подданство московскаго царя и вызвался хлопотать въ Москвѣ предъ государемъ, чтобы онъ принялъ казаковъ подъ свою высокую царскую руку и оказалъ имъ помощь войсками въ борьбѣ съ поляками. Значитъ Паисій отправился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ Хмельницкаго, который отправилъ съ нимъ и своего полковника Силуяна Мужеловскаго. Но посредническая миссія Паисія въ Москвѣ, какъ мы видѣли, потерпѣла неудачу. Московское правительство мало довѣряло казакамъ, союзникамъ ненавистныхъ въ Москвѣ татаръ, и рѣшительно отказалось изъ за казаковъ разорвать миръ съ поляками, о чёмъ официально и заявило Паисію. Послѣдній былъ очень недоволенъ такимъ исходомъ своей миссіи, и не стѣ-

снялся открыто выражать свое недовольство сопровождавшему его изъ Москвы старцу Арсенію Суханову. Но эта неудача не охладила однако участія Паисія къ дѣлу казаковъ и не измѣнила его убѣжденія, что казаки должны принять подданство московскому царю, чтобы потомъ общими силами дѣйствовать противъ турокъ. У Паисія были широкія политическія планы, отъ выполненія которыхъ онъ не думалъ отказываться. По возвращенію изъ Москвы Паисій долго проживалъ въ Молдавіи, и здѣсь ему удалось склонить господарей молдавскаго и валахскаго вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ Хмельницкимъ и Москвою для совмѣстной борьбы съ турками. Но для этого необходимо было прежде всего устроить прочное соглашеніе между Москвою и Хмельницкимъ, къ чему Паисій и направлялъ, какъ мы видѣли, свои усилия, посредничая между царемъ и гетманомъ. Съ этою цѣллю Паисій послалъ изъ Яссы, куда онъ прибылъ изъ Киева 7 Сентября, въ Москву старца Арсенія Суханова, грека Фому Иванова, съ которыми послалъ государю двѣ граматы.

Въ первой граматѣ государю отъ 4 Ноября 1649 г. пишеть, что посылаетъ къ государю честнѣйшаго мужа грека Фому Иванова, „человѣка вѣрнаго величайшему твоему царствію, вмѣстѣ съ преподобнѣйшимъ строителемъ господиномъ Арсеніемъ, чтобы они устно сообщили все то, о чёмъ слышали и что видѣли. ...А здѣсь, долголѣтнюющій царь, Арсеній намъ сказалъ, что онъ имѣть отъ твоего царствія приказанія: если онъ узнаеть что въ Ляхіи и Богданіи, то пусть возвратится назадъ и донесеть царствію твоему; и потому я отправилъ его съ вѣрнымъ человѣкомъ. Онъ даже оставилъ у нась часть своей рухляди, сказавъ, чтобы я его ждалъ здѣсь“. Во второй граматѣ, отъ 10 Ноября, опять пишеть о

посылкѣ къ государю строителя Арсенія и за тѣмъ: „да пожалуете, изволите прислати къ намъ святую вашу грамату о какихъ дѣлахъ изволите, а мы готовы о тѣхъ дѣлахъ радѣть и работать, якоже реклися великому вашему царствію; что ни услышимъ, будемъ всегда вѣдомо чинить, да будеши вѣдать друговъ своихъ и недруговъ... А будетъ Арсеній поизмѣшкаетца у васъ, и намъ бы вы прислали честную и святую вашу грамату великаго вашего царствія, и мы опять какихъ дѣлъ ни провѣдаемъ, и учинимъ о томъ вѣдомо своими людьми“. Прислалъ Паисій свою грамату и патріарху Іосифу, но она недошла до насть.

Арсеній Сухановъ прибылъ въ Москву 11 Декабря 1649 г. и въ тотъ же день докладывалъ въ Посольскомъ приказѣ: „а приказывалъ де съ нимъ Іерусалимскій патріархъ словесно, а велѣль извѣстить государю: прежде де сего писаль онъ ко государю, что турской царь велѣль крымскому царю итти на Русь войною, а нынѣ де въ совѣтѣ волоской воевода Василій съ мутьянскимъ воеводою Матвѣемъ и съ запорожскими черкесы, и хотятъ на лѣто итти на Царьгородъ. И патріархъ велѣль государю о томъ объявити, чтобы онъ, великий государь, велѣль съ своей царскаго величества стороны итти моремъ, хотя малыми людьми. И въ то время, слыша про то, пойдутъ подъ Царьгородъ сербяне и гречане и волоской и мутьянской воеводы со всѣми людьми, а нынѣ де турскаго сила изнемогаетъ, потому что венеціане одолѣваютъ. А приказывалъ де онъ про то объявить слышавъ подлинно: говорять-де всѣ христіане, чтобы имъ то видѣть, чтобы Царемъ градомъ владѣти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу нежели нѣмцамъ“¹.

¹ Греч. дѣла 7157 г. № 6, 7, 8, 22, 7158 г. № 1. Нѣкоторыя граматы патріарха Паисія напечатаны въ приложениі въ книгѣ С. А. Бѣлокурова: Арсеній Сухановъ.

26 Января 1650 года Арсеній Сухановъ отправилъ изъ Москвы въ Молдавію къ патріарху Паисію съ граматою государя, который извѣщалъ патріарха, что получилъ его граматы, присланныя съ грекомъ Фомою Ивановыемъ и строителемъ Арсеніемъ, что Сухановъ выполнилъ данное ему патріархомъ порученіе и что онъ посыаетъ ему два сорока соболей добрыхъ и просить Паисія радѣть о государевыхъ дѣлахъ и обо всемъ увѣдомлять его, государя, обѣщаю за это не полагать патріарха „въ забвеніи“. Получивъ эту грамату отъ Арсенія, Паисій писалъ государю: „хотимъ ѿхать ко святымъ мѣстамъ и приняли есми честную и премудрую вашу царскую грамату и милостыню отъ господина Арсенія—два сорока соболей; и принялъ вашу царскую грамату, по подобію поклонилися и благодарили есми вельми. Аще и мы у васъ не пребываемъ, но всегда настъ незабываете своею царскою милостынею, понеже первое Богъ, а потомъ ваша царская милостыня держитъ и хранить св. мѣста“.

8 Декабря 1650 года въ Москву прибыль назаретскій митрополитъ Гавріилъ и въ Посольскомъ приказѣ заявилъ, что на свѣтлой недѣлѣ 1650 года онъ посланъ былъ отъ Іерусалимского собора къ патріарху Паисію провѣдать, гдѣ онъ находится и зачѣмъ медлитъ, такъ какъ вѣсть о немъ учинилася, будто нестало его въ живыхъ. Митрополитъ въ Царьградѣ былъ проѣздомъ только три дня и узнавъ, что патріархъ Паисій въ Молдавіи, поспѣшилъ къ нему. Патріархъ Паисій свѣдавъ, что гетманъ Хмельницкій вмѣстѣ съ татарами готовится напасть на россійское государство, помня къ себѣ государеву милость, тотчасъ же послалъ къ нему его, митрополита, со старцемъ Арсеніемъ (Сухановыемъ) и писалъ къ Хмельницкому и изустно наказывалъ со

многими прошеніемъ и клятвою, чтобы отнюдь недерзаль ходить войною на благочестиваго государя христіанскаго, а если на сіе рѣшится, то чуждъ будетъ христіанства. Когда митрополитъ прїѣхалъ въ Чигиринъ, Хмельницкій тотчасъ же пришелъ къ нему пѣшій, принялъ патріаршую грамоту и выслушалъ словесный приказъ, затѣмъ велѣль всѣхъ выслать и старца Арсенія также, но я удержаль старца говоря, что онъ посланъ отъ государя и вѣдаетъ о чёмъ будемъ говорить. Хмельницкій говорилъ съ клятвою, что онъ приказу отца своего духовнаго, блаженнѣйшаго патріарха Паисія, ни въ чёмъ не преслушаетъ, только-бы благочестивый великий государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всяя Руси, ихъ челобитье и прошеніе не приrzѣль и изволилъ-бы держать подъ своею высокою государскою рукою, а ему Хмельницкому, на государствѣ быть непристойно,—не тое природы человѣкъ; а великий де государь, его царское величество, издавна государскаго благочестиваго корени природный государь отъ колѣна благочестиваго великаго князя Владимира Мономаха, и ими владѣть ему, государю, пристойно, понеже великий христіанскій государь благочестивый подъ солнцемъ единъ. И они ему, великому государю, поклоняются и хотять раби его быти, и чтобы де великий государь для подлиннаго увѣренія изволилъ къ нимъ прислатъ кого нибудь съ своею царскою грамотою съ милостивымъ указомъ, чтобы какъ на его государеву милость быти надежнымъ, и велѣль-бы послати къ нимъ въ полѣ свое государево знамя, а они де въ его, государевѣ, во всемъ повелѣніи быти готовы и его государеву указу ожидаютъ съ радостию. А какъ де его государевъ указъ о томъ къ нимъ будетъ, и онъ де, Хмельницкій, во всѣхъ тѣхъ

городѣхъ, которыми нынѣ владѣеть, посадить воеводу отъ царскаго величества и крѣпости всякия въ городѣхъ учнетъ чинити". Это показаніе назаретскаго митрополита Гавріила было усилено показаніемъ грека Исаї Остафьевъ, который пріѣхалъ въ Москву 3 Января 1651 года и въ Посольскомъ приказѣ заявилъ, что когда онъ былъ въ Молдавіи, призывалъ его къ себѣ, въ городѣ Торговищѣ, патріархъ Паисій, и велѣлъ ему объявить въ Москвѣ, чтобы царское величество гетмана Хмельницкаго и войско его жаловалъ. Съ тѣмъ же грекомъ Исаію патріархъ Паисій прислалъ за своею печатью письмо Ильѣ Даниловичу Милославскому и приказалъ сказать словесно, что прежде сего, когда предъ волошкою воиною крымскій ханъ хотѣлъ идти на московское государство и гетманъ писалъ къ патріарху, что ханъ просить у него себѣ людей на помощь, то патріархъ отвѣталъ гетману, что буде онъ на московское государство начнетъ давать помощь крымскому хану, то всѣ они, вселенскіе патріархи, собравшись учинять соборъ и предадутъ проклятію и христіаниномъ называть его небудуть, и что бы онъ, гетманъ, съ своимъ войскомъ царскому величеству всеконечно покорность учинилъ и поклонился, потому что христіанскій государь подъ солнцемъ единый"¹.

Такимъ образомъ, патріархъ Паисій пребывая, по возвращеніи изъ Москвы, въ Молдавіи, внимательно слѣдилъ оттуда за ходомъ дѣлъ въ Малороссіи. Онъ поддерживалъ постоянныя сношенія и съ гетманомъ Хмельницкимъ и московскимъ правительствомъ, всячески склоняя обѣ стороны къ союзу и къ окончательному соединенію, устранивая, по возможности, въ ихъ отношеніяхъ все, что могло вести къ недоразумѣніямъ или

¹ Греч. дѣла 7159 г. № 11

разрыву между ними. Когда же планы Паисія съ этой стороны стали осуществляться: гетманъ Хмельницкій и все войско казацкое дѣйствительно сдѣлались подданными царя московскаго и вмѣстѣ съ нимъ начали счастливую войну съ поляками, то Паисій пошель далѣе въ видахъ достижения своей цѣли: усилить московское государство присоединеніемъ къ нему разныхъ православныхъ народностей, чтобы создать изъ него силу, способную окончательно разгромить турокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы вслѣдъ за Малороссіей подданство московскому царю приняла-бы и Молдавія, благодаря чему Россія прочно стала бы на Дунай, вошла бы отсюда въ непосредственную связь и сношенія со всѣми другими порабощенными турками православными народностями и, опираясь на ихъ содѣйствіе, окончательно бы уничтожила турокъ. Въ пользу своихъ плановъ Паисій, проживая въ Молдавіи, успѣлъ склонить самого молдавскаго воеводу, который уполномочилъ его вступить по этому дѣлу въ сношенія съ московскимъ государемъ, вслѣдствіе чего Паисій, отъ 8 Октября 1655 года, прислалъ въ Москву, съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ, грамату государю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о принятіи въ покровительство и оборону молдавскаго владѣтеля со всею его землею, которую агаряне часто набѣгами, своими опустошаютъ, святыя храмы оскверняютъ и христіанъ берутъ въ полонъ¹. Въ слѣдующемъ 1656 году, какъ извѣстно, послѣдовало и официальное предложеніе, привезенное молдавскимъ митрополитомъ Гедеономъ, принять, подобно Хмельницкому, и молдавскаго владѣтеля въ подданство Россіи. Подъ просительною грамотою подписался между прочимъ и антіохійскій патріархъ Макарій, который при этомъ свидѣтельство-

¹ Реестръ греческимъ грамотамъ № 137, 8 окт. 1656 г.

валъ, что и іерусалимскій патріархъ Паисій одобряетъ это дѣло¹. Но, какъ извѣстно, не только Молдавія неприсоединилась къ Россіи, а и Малороссію на первое время удалось присоединить не всю. О войнѣ же съ турками, для освобожденія отъ ихъ ига православныхъ народностей, о чёмъ мечталъ патріархъ Паисій и ради чего онъ такъ дѣятельно и горячо вмѣшался въ тогдашня политическая дѣла и отношенія, Россія въ то время немогла и думать.

Посѣщеніе Москвы іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ неосталось безслѣднымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ это время русское правительство занято было мыслю учредить въ Москвѣ греческую школу, преподаваніемъ въ которой завѣдывалъ бы вполнѣ надежный, православный грекъ, пріисканіемъ которого оно въ то время и занималось. Между тѣмъ въ свитѣ пріѣхавшаго въ Москву патріарха Паисія оказался его дидаскалъ, старецъ Арсеній, человѣкъ ученый и къ тому же знавшій русскій языкъ, что было особенно важно. Съ согласія патріарха Паисія, государь оставилъ Арсенія въ Москвѣ „для риторического ученія“. Но пріѣхавъ въ Путівль, Паисій, какъ мы видѣли, прислалъ на Арсенія извѣстный намъ доность, вслѣдствіе котораго Арсеній вмѣсто школы попалъ на Соловки подъ строгій начальств. Тогда государь поручилъ патріарху Паисію пріискать на востокѣ другаго православнаго учителя, который бы „не имѣлъ никакого пороку въ благочестивой вѣрѣ и былъ бы далече отъ еретиковъ“. Паисій обѣщалъ исполнить это требованіе царя и въ 1653 году, какъ увидимъ, прислалъ въ Москву греческаго учителя.

Пріѣздъ въ Москву патріарха Паисія выдвинулъ у насъ съ особою силою и другой въ высшей степени

¹ Полн. собр. закон. № 180.

важный вопросъ: о разности нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Какъ извѣстно, русскіе съ теченіемъ времени порознились съ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, самыя богослужебныя книги ихъ, какъ печатавшіяся съ списковъ неодинаковыхъ и не одного времени, оказались также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между собою не сходными. На это обстоятельство обращали вниманіе и русскіе и пріѣзжавшіе въ Москву за милостынею греческіе іерархи. Нѣкоторые изъ послѣднихъ старались внушить русскимъ, чтобы они держались одинаковыхъ съ греками церковныхъ чиновъ и обрядовъ. Такъ еще предшественникъ Паисія патріархъ Іоофантъ, будучи въ Москвѣ, убѣждалъ здѣсь „единомудрствовати: о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ неотлучатися“. Въ этомъ же направленіи и съ особою энергию и успѣхомъ дѣйствовалъ въ Москвѣ и патріархъ Паисій. Онъ велъ бесѣды съ самимъ государемъ о постѣ въ св. четыредесятницу, а съ патріархомъ Іосифомъ „учинилъ соглашеніе“ объ этомъ, подавалъ свое мнѣніе о времени совершенія литургіи и, вѣроятно, по другимъ вопросамъ. Но особенно важно и богато было своими послѣдствіями знакомство Паисія съ Никономъ, тогда еще архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, а потомъ митрополитомъ новгородскимъ. Паисій, съ разрѣшеніемъ государя, нерѣдко сталъ видаться съ Никономъ, много съ нимъ бесѣдовалъ, причемъ обращалъ вниманіе Никона на нѣкоторая особенности русскихъ обрядовъ, несогласныя съ тогдашними греческими, и убѣждалъ его привести русскіе обряды въ полное соответствие съ тогдашними греческими. Эти бесѣды съ патріархомъ Паисіемъ произвели на Никона глубокое

впечатлѣніе и возбудили въ немъ намѣреніе и рѣшимость, если онъ сдѣлается патріархомъ Московскимъ, произвести исправленіе русскаго церковнаго обряда, въ видахъ его соглашенія съ греческимъ. Никонъ дѣйствительно сдѣлался московскимъ патріархомъ. Между тѣмъ патріархъ Паисій, возвращаясь изъ Москвы, прибылъ въ Молдавію въ сопровожденіи старца Арсенія Суханова, который, въ присутствіи патріарха Паисія, затѣялъ извѣстныя пренія съ греками о вѣрѣ, всячески усиливаясь доказать, что русскіе именно сохранили у себя неизмѣнными весь древній церковный чинъ и обрядъ, современные же греки въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ отступили отъ священной старины и ввели у себя разныя непозволительныя новшества, почему теперь не греки, а русскіе должны считаться истинными хранителями и представителями чистаго православія. Патріархъ Паисій, самъ принимавшій нѣкоторое участіе въ преніяхъ, необходимо обратилъ вниманіе на воззрѣнія, такъ рѣзко и рѣшительно высказанныя Сухановымъ во время преній съ греками о вѣрѣ, понялъ, что онъ грозить серьезною опасностію единенію церкви русской съ греческою вселенскою, и потому рѣшился дѣйствовать — напомнить Никону о своихъ московскихъ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ послалъ въ Москву назаретскаго митрополита Гавріила, который долженъ былъ посредничать между гетманомъ и московскимъ правительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ побудить Никона позаботиться о приведеніи русскаго церковнаго обряда въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ. Исполнная порученіе патріарха Паисія, митрополитъ Гавріиль дѣйствительно бесѣдовалъ въ Москвѣ съ Никономъ, стараясь укрѣпить его въ рѣшимости произвести исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ,

поскольку они были несогласны съ тогдашними греческими. Самъ Никонъ потомъ торжественно заявлялъ: „зазирали иногда моему смиренію, мнѣ Никону патріарху приходящіе къ намъ въ царствующій градъ Москву, своихъ ради потребъ, святыхъ восточныхъ церкви святители: вселенскій патріархъ Аѳанасій и Паисій святаго Іерусалима и Гавріиль святаго Назарета и прочие, и осуждали меня много за неисправленіе божественного писанія и за другія церковныя вины, изъ коихъ одна, что мы неправильно изображаемъ крестное знаменіе двумя перстами... И мы, Никонъ патріархъ, не только ища пользы себѣ, но и прочимъ, по апостолу, дабы имъ спастись, возбужденные такимъ обличеніемъ, разсмотрѣвъ, рѣшились произвести церковныя исправленія“ Такимъ образомъ, по собственному сознанію Никона, на исправленіе русскихъ чиновъ и обрядовъ, въ чемъ они несогласны были съ тогдашними греческими, побудили его греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву за милостью, и между ними первое мѣсто принадлежитъ, какъ мы видѣли, іерусалимскому патріарху Паисію и назаретскому митрополиту Гавріилу, дѣйствовавшему въ Москвѣ по наказу Паисія.

Но посыпкою въ Москву назаретскаго митрополита Гавріила Патріархъ Паисій не ограничился. Изъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ онъ увидѣлъ, какое важное значеніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые русскіе, придаютъ своимъ обрядовымъ особенностямъ, что ради нихъ они готовы подвергнуть сомнѣнію Православіе современныхъ грековъ. Въ виду этого настояла неотложная необходимость послать въ Москву такое авторитетное и свѣдущее лицо, уполномоченное патріархами, которое бы разъяснило русскимъ ошибочность ихъ взгляда на значеніе особенностей ихъ обряда,

полную несправедливость ихъ подозрительного отношения къ благочестію современныхъ грековъ, и которое бы убѣдило ихъ въ необходимости привести русскій церковный обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашимъ греческимъ. Патріархъ Паисій нашелъ и подходящее лицо, которое, казалось, съ успѣхомъ могло выполнить возложенную на него миссію; побудить русскихъ исправить свой обрядъ сообразно съ тогдашимъ греческимъ обрядомъ. Это былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріиль Власій, человѣкъ ученый, знавшій языки греческій и славянскій, ранѣе уже хорошо извѣстный въ Москвѣ, такъ какъ онъ присыпалъ въ Москву книги, писанныя на греческомъ и славянскомъ языкахъ и, кромѣ того, неразъ присыпалъ въ Москву тайныя отписки съ разными политическими вѣстями. При этомъ Гавріиль Власій былъ уже знакомъ съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, решеніемъ которыхъ ему приходилось заняться въ Москвѣ, такъ какъ онъ не только былъ свидѣтелемъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ, но и самъ принималъ въ нихъ участіе. Въ разсказѣ Суханова объ этомъ событии говорится: „патріархъ Паисій говорилъ Арсенію: скажи мнѣ, кто тебѣ надобенъ, съ кѣмъ тебѣ говорить: дасколъ Лигаридіи или дасколъ митрополитъ Власій? — Арсеній говорилъ: владыко святый, дай мнѣ кого изъ своихъ архимандритовъ, кого изволишь, а тѣ люди науки высокой, были во Цареградѣ и во Александрии и въ Римѣ и многие ереси заводили и того ради и царство ваше раззорилося... Митрополитъ Власій Арсенію говорилъ: Арсеніе, о крестномъ знаменіи ни евангелисты, ни апостолы никто не писалъ, какъ персты складать: то есть самоизвольное, но токмо подобаетъ крестообразно кресты чтити, а то все добро и ереси и хулы на Бога

никакой въ томъ нѣть“... Значить, изъ бесѣдъ съ Арсеніемъ Сухановымъ въ Молдавіи митрополитъ Гавріиль Власій уже успѣлъ познакомиться и съ тѣми церковными вопросами и недоумѣніями, решать которые ему придется въ Москвѣ, и съ тѣми пріемами, какіе практиковали въ подобныхъ случаяхъ русскіе книжные люди, такъ что онъ уже ранѣе былъ нѣсколько подготовленъ къ своей особой миссіи въ Москвѣ.

Въ Октябрѣ 1652 года митрополитъ Навпакта и Арты Гавріиль Власій прибылъ въ Москву. Съ нимъ патріархъ Паисій прислалъ государю грамату, въ которой писаль о Гавріилѣ, что онъ древній другъ и богомолецъ блаженныя памяти приснопамятному отцу нашему великому государю, и часто къ нему присыпано было царское жалованье, еще до поставленія его на митрополію, и нашему царствію прислалъ онъ двѣ книги: одна Мелетія патріарха александрийскаго противъ іudeевъ, а другая грамматика, „и въ тѣхъ книгахъ писано на одной сторонѣ еллинскимъ письмомъ, а на другой по словенски“. Затѣмъ патріархъ Паисій пишеть: „повѣлѣли намъ, богомольцу нашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣль бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ и былъ бы далече отъ еретиковъ, и послати бѣ намъ іво ко святому нашему царствію поклонитися, да учинить учительство и учить еллинскій языкъ, яко же она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ. И сего ради избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго митрополита Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всея Италии (Этолії?), премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о святомъ Духѣ возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Га-

вріла Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаетца. И будучи въ такомъ дѣяніи и мудrostи и разумѣ, почтиль его блаженнѣйшій патріархъ александрійскій Іоанникій, о святомъ Духѣ возлюбленный брате и сослужитель нашего смиренія, а мы почли іво и намѣстникомъ учнили со властю: *въ которомъ мъстї небудетъ, отвѣщати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросахъ, православныя нашелъ впры.* И объявляючи боголюбезную мысль святаго вашего царствія, понудили его прійти для великаго вашего царствія, аще труды понести и многіе убытки приняти и погибель живота своего, токмо идеть на поклоненіе со прочими своими, видѣти ваши царскіе очи и совершити дѣло съ великимъ радѣніемъ, что желаєтъ святое ваше царство — и великаго достоинства. Посемь бьемъ челомъ великому вашему царствію, да восприемлещи его съ отверстыми нѣдрами любительно и человѣколюбно и почтиши его, яко намѣстника нашего — двухъ патріарховъ. А какову честь ему учините, и та честь намъ воздается, и для небеснаго и превысшаго Бога пожалуйте его, какъ Богъ извѣстить великому вашему царствію, не яко иныхъ, но болѣ того, потому что иной такой митрополитъ прежде сего въ ваши страны непріѣживалъ. А только будетъ произволите ваше царствіе быть учительству, яко же выше сего рекли есми, и онъ готовъ есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему такоже обѣщалися, что ему имѣти волю свою, а будете благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудить и многое время, пока мѣста ученики отъ него отойдутъ и противлятися будутъ съ еретиками и отвѣтъ будутъ давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе, и всѣ бояре и князи, и будети оставите вѣчное воспомина-

ніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ. А будетъ неизволить царствіе ваше быть учительству и бьемъ челомъ, чтобы ему побыть, пакамѣста онъ похочеть, а святое ваше царствіе пожалуйте его своимъ царскимъ жалованьемъ милостынею, чтобы ему вашимъ царскимъ жалованьемъ пріѣхати къ себѣ и покой свой получить и легость обрѣсти отъ долговъ своихъ, что имѣть; а онъ да будетъ долженъ всегда молити всемогущаго Бога о вашемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи, якоже и прочіи архиереи“. По просьбѣ Паисія писаль государю рекомендательную грамату о митрополитѣ Гавріилѣ Власіѣ и бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій, который заявлялъ, что Гавріиль „и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, и что произволить великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ отвѣтъ будетъ держати благочестно и православно, якоже воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь. Такоже и блаженнѣйшіе о Св. Духѣ возлюбленніи братья и сослужители нашего смиренія: александрійскій патріархъ господинъ Іоанникій и еросалимскій господинъ Паисій избрали его намѣстника своего и въ граматѣ о томъ обявленъ. И того ради молимъ великаго вашего царствія, да восприемлете его любительно отверстыми нѣдрами и честь ему повелите воздати не тако, яко инѣмъ, которые завсегда приходять къ вашему царскому величеству, но того ради, что онъ посланъ отъ насъ и отъ прочихъ двухъ блаженнѣйшихъ патріарховъ — александрійскаго и еросалимскаго и есть вѣрный и древній другъ и богомолецъ теплый блаженной памяти отцу вашему“.

Изъ приведенныхъ граматъ патріарховъ іерусалимскаго Паисія и бывшаго константинопольскаго Іоанни-

кія видно, что митрополит Гаврій Власій був по-сланъ въ Москву Паисіемъ между прочимъ и съ особою, спеціальною цѣлію: отвѣтать отъ богословія и изысканія церковнаго¹ на тѣ вопросы, какие, предполагалось, ему будуть предложены въ Москвѣ. Ради именно этой цѣли, чтобы придать отвѣтамъ митрополита большій авторитетъ въ глазахъ русскихъ, онъ и сдѣланъ былъ намѣстникомъ двухъ патріарховъ — іерусалимскаго и александрийскаго, вслѣдствіе чего его отвѣты на церковные вопросы русскихъ должны были быть какъ бы отвѣтами самихъ патріарховъ, или что тоже: отвѣтами всей православной греческой церкви на вопросы церкви русской. Какъ митрополит Гаврій выполнилъ эту свою міссию въ Москвѣ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Онъ подавалъ государю докладную записку о положеніи политическихъ дѣлъ въ Турціі, о своихъ переговорахъ съ гетманомъ Хмѣльницкимъ, причемъ онъ ни слова не говорить о дѣлахъ церковныхъ. Не упоминаетъ объ нихъ и въ своей рѣчи, которую онъ говорилъ на представлѣніи государю. Очевидно государь ничего не вопрошалъ Гавріила отъ богословія и изысканія церковнаго, такъ какъ рѣшеніе разныхъ церковныхъ вопросовъ въ это время уже взялъ въ свои мощныя и властныя руки святѣйшій патріархъ Никонъ. Съ Никономъ, какъ представителемъ русской церкви, митрополит Гаврій вѣроятно и вель бесѣды „отъ богословія и изысканія церковнаго“, относительно особенностей русского обряда и чина, о необходимости ихъ немедленнаго приведенія въ полное соотвѣтствіе съ тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно въ виду того, что эти обрядовые разности подаютъ поводъ нѣкоторымъ русскимъ подозрительно или даже и прямо отрицательно относиться къ православію современныхъ грековъ. Вѣроятно эти

бесѣды съ митрополитомъ Власіемъ, человѣкомъ ученымъ и уже ранѣе основательно подготовившимся къ такимъ бесѣдамъ, вызвали въ патріархѣ Никонѣ окончательную рѣшимость заняться исправленіемъ русского церковнаго чина и обряда, тѣмъ болѣе, что Гаврій Власій явился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ трехъ патріарховъ, которые ручались не только за основательность его знаній, но и за то, что онъ „отвѣты будетъ держать благочестно и православно, якоже воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь“. По крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ отѣзда изъ Москвы митрополита Гавріила Власія (онъ выѣхалъ въ Февральѣ 1653 года) Никонъ, въ виду наступившаго великаго поста, издалъ известное свое распоряженіе: „по преданію св. апостоль и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясь бы вамъ творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились“, такъ что съ пріѣздомъ въ Москву митрополита Гавріила можно связывать начало дѣятельности Никона, направленной на приведеніе русского церковнаго чина и обряда въ полное согласіе съ тогдашними греческими¹.

19 Декабря 1652 года въ Москву прибыль архимандритъ іерусалимскаго патріарха Іоасафъ, съ которымъ Паисій прислалъ граматы государю и государынѣ писанныя отъ 10 мая. Въ граматѣ государю Паисій писалъ, что онъ посыаетъ архимандрита Іоасафа, „ради милостины и помощи и молимъ конечно твоей кротости, да пріемлещи ихъ невозбранно въ тихомъ образѣ, показуя милосердіе и любовь ко святымъ мѣстамъ; а мы, услышавъ и милость видячи, будемъ благословляти державу великаго вашего царствія, якоже и нынѣ непре-

¹ 7161 г. № 5.

стаемъ, дабы воспомяновенно было великое ваше имя въ молитвахъ и моленіяхъ нашихъ, что достигли есми ко святымъ мѣстамъ съ великимъ вашимъ жалованьемъ. А тѣ бѣдные старцы безъ насъ во многихъ налогахъ и утѣсненіи пребывали, и мы о семъ радѣли пріѣхати вскорѣ, а было мнѣ задержанье въ Мутьянской землѣ въ немощехъ моихъ¹. А милость великаго вашего цар-

¹ Патріархъ Паисій, будучи въ Москвѣ, въ особой членобитной просилъ государя поскорѣе отпустить его въ Іерусалимъ, потому что мѣстные еретики, пользуясь долгимъ отсутствіемъ патріарха, сильно обиждаютъ православныхъ, почему ему и необходимо немедленноѣхать въ Іерусалимъ. Но, прибывъ въ Яссы, Паисій не поѣхалъ въ Іерусалимъ, а прожилъ въ Молдавіи цѣлыхъ два года. Въ граматѣ государю изъ Яссъ отъ 4 Ноября 1649 года Паисій свою остановку въ Молдавіи объяснялъ тѣмъ, что у него будто бы «имѣются нѣкоторыя дѣла на короткое время въ святогробскихъ подворьяхъ здѣсь и во Влахії». Въ другой граматѣ, отъ 10 Ноября, государю онъ объясняетъ дѣло такъ: «а мешканье мое се бо есть потому, что въ здѣшней землѣ имѣемъ монастырь свой; а здѣсь въ монастыряхъ жили и ожидали отъ иныхъ монастырей податей... а потомъ силою Божію поѣдемъ ко святымъ и богостепеннымъ мѣстамъ». Теперь же патріархъ заявляетъ, что причиною его задержанія въ Молдавіи были его немощи. Въ дѣйствительности же причина его продолжительного пребыванія въ Молдавіи заключалась въ его особыхъ отношеніяхъ къ тогдашнему константинопольскому патріарху Пароенію младшему. Досиоей обѣ этомъ разсказываетъ слѣдующее: «Когда Паисій іерусалимскій при Пароеніѣ младшемъ былъ рукоположенъ въ Яссахъ и пришелъ въ Византію, чтобы оттуда отправиться въ Іерусалимъ, Пароеній требовалъ отъ него денегъ, какъ предшественникъ его отъ александрийскаго, но Паисій, ясно увидѣвшій въ немъ симонію, недалъ ему ни обола. Послѣ сего, когда Паисій изъ святаго града Іерусалима отправился въ Москву для милостины, Пароеній чрезъ письмо клеветаль на него славному самодержцу Алексію Михайловичу, но лукавство Пароенія не имѣло никакихъ послѣдствій. Но какъ скоро Паисій, возвращаясь изъ Москвы въ Іерусалимъ, прибылъ въ Византію, Пароеній обвинилъ его какъ злоумышленника противъ правительства предъ дивномъ Капиджи-пашы, визиря султана Ибрагима. Визирь, призвавъ къ себѣ Паисія, допросилъ его, и увѣрившись что онъ человѣкъ справедливый, отпустилъ его съ миромъ, только взялъ съ него четыре тысячи флориновъ. Но когда Паисій опять изъ святаго града отправился въ Валахію-Молдавію, патріархъ Пароеній снова началъ преслѣдоватъ его, и кромѣ правительственный Порты клеветаль на него правителью Молдавіи Василию и Матвѣю, правителью Валахіи. Что же потомъ случилось? Правители съ помощью друзей и денегъ обвинили Пароенія предъ Портою и удушили. Тѣмъ и кончились бѣдствія, постигшія святую Христову церковь, и тиранскіе насильственные поступки». (Кн. XI, гл. 10, пар. 10). Этотъ разсказъ

ствія яки солнце сіяеть по всему свѣту, согрѣваетъ и оживляетъ всяческая, также и къ намъ милость великаго вашего царствія». Въ граматѣ къ царицѣ Марії Ильиничнѣ патріархъ Паисій писалъ: „если какому либо христіяннѣйшему лицу приличествуетъ оное пророческое слово царя и пророка Давида: Господи! Возлюбихъ благолѣпіе дома твоего и мѣстоселенія славы твоей; то это изреченіе приличествуетъ именно великому твоему царствію, потому что по истинѣ ты украсила св. градъ Іерусалимъ драгоцѣнными сосудами, которые ты подала къ сему животворящему святому гробу; видя ихъ всѣ племена и народы дивятся и ублажаютъ тріпостаснаго Бога, что онъ удостоилъ великое твое царствіе за твое врожденное благочестіе высочайшаго престола царской власти. И стала ты другой святой новой Еле-

Досиоей о враждѣ между патріархами Паисіемъ и Пароеніемъ подтверждается и тѣми извѣстіями, какія доходили объ этомъ до нашего правительства, хорошо знавшаго истинную причину продолжительного пребыванія Паисія въ Молдавіи. Въ 1650 году прибылъ изъ Молдавіи въ Путівль старецъ Чудова монастыря Пахомій, выѣхавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ Паисіемъ, и заявилъ воеводѣ, что іерусалимскій патріархъ „въ Іерусалимъ опасается єхать, боясь опалы отъ султана, за что — не знаетъ, да за старую недружбу цареградскаго патріарха Пароенія опасается запрещенія єхать, и потому долго думаетъ прожить въ Мутьянахъ — до самой смерти Пароенія“. Іеродіаконъ Іона Маленький, отправившійся изъ Москвы въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, о причинахъ замедленія патріарха въ Молдавіи говоритъ: „патріарху же коснѧщу страха ради турскаго, овоже боялся патріарха цареградскаго, занеже между собою велю вражду имуще“. И Арсенію Суханову патріаршіе старцы сообщали, что Паисій изъ Молдавіи не поѣдетъ въ Іерусалимъ, „если Пароеній патріархъ цареградскій живъ будетъ“. (—7158 г. № 9. Сказ. рус. нар. Сахарова, 11, 161 и 190). Это нелюбье двухъ патріарховъ привело къ тому, что Паисій, какъ хотела тогда общераспространенная молва, послалъ въ Константинополь значительную сумму денегъ, чтобы низвергнуть своего недруга съ патріаршаго престола, въ чемъ ему оказали дѣятельную помощь воеводы молдавскій и волошскій. Пароеній не только былъ низвергнутъ, но и убитъ. Въ Октябрѣ 1651 года єессалійскій архиепископъ Даніиль въ особой отпискѣ государю сообщалъ обѣ убіеніи патріарха Пароенія, причемъ замѣчаетъ: „грѣхъ ради нашихъ сказываютъ, что іерусалимскій патріархъ прислалъ денегъ немало тутъ же на помошь, чтобъ ево, патріарха Пароенія, сослали, потому что они имѣли межъ себя недружбу“. (—7160 г. № 3).

ной, украшающей святейшій алтарь матери церквей, почему какъ та всегда и безпрерывно въ этихъ святыхъ и богошественныхъ мѣстахъ, такъ и благочестивое царствіе твое получило вѣчное поминовеніе въ будущемъ вѣкѣ и напечатлѣно въ книгу живота св. и божественнаго предложенія. Я очень хорошо помню, какъ боговѣнчанная твоя глава укоряла насть, печалуясь за то, что мы непродолжили пребыванія и незамедлили болѣе въ благословенныхъ предѣлахъ вашего царствія, гдѣ мы пользовались и почестями и большими вниманиемъ. Но, христіаннейшая царица, бѣдствія нашего престола чрезвычайно умножились и онѣ-то хотя-не-хотя понудили насть уѣхать для строенія нуждъ бѣднейшей жалкой нашей каѳедры. Я бы желалъ пробить у васъ годы и времена и, пожалуй, всю свою жизнь. Однакоже милость великаго вашего царствія мы никогда не въ силахъ забыть, и какъ? Скорѣе мы забудемъ самихъ себя, чѣмъ предадимъ забвенію крайнюю милость вашего царствія, потому что ею оберегается и утверждается св. Гробъ". Затѣмъ Паисій проситъ государыню милостиво принять и ущедрить милостию посланныхъ имъ, ради управлениія св. Божіей церкви, несклоняя слуховъ къ злозычнымъ людямъ, которые стремятся злословить и клеветать, только чтобы получить доступъ къ великому вашему царствію. И особенно Арсеній (Сухановъ), о которомъ одинъ Богъ знаетъ какъ мы пеклись, и который однакоже оказался неблагодарнымъ Гудою, не признающимъ великаго благодѣянія, которое мы ему оказали, и всего, что мы для него сдѣлали. Мы слышали нѣкоторыя пустыя слова, которыя онъ говорилъ противъ меня, и онъ здѣсь отрицалъ ихъ съ клятвою, клятвопреступникъ; однакоже святый назаретскій (митрополитъ Гаврій) удостовѣ-

риль насть, что онъ Арсеній говорилъ. Но мы радуемся когда клевещать на насть, потому что весьма многіе святые неправедно и безпричинно были оклеветаны. Объ одномъ только, царица моя, мы опечалились и огорчились, что онъ обманулъ справедливѣшаго царя и, обманывая царя, обманулъ Бога, намѣстникъ котораго на землѣ есть онъ (царь). И не убоялся онъ, тренесчастный, чтобы земля неразверлась и не поглотила его, какъ Даѳана и Авиона. Но божественное правосудіе отмстить ему какъ ему, такъ и всякому другому злу; какъ солнце не можетъ спрятаться, хотя его лучи облаками и закрываются на нѣкоторое время, такъ и правда обнаруживается, дѣлается извѣстной со временемъ, почему она и называется, спутницею Бога всяческихъ. На сей разъ довольно. И если мы отягчили слухъ великаго вашего царствія, то непокручиньтесь, потому что одна только правда побудила насть написать это".

Грамата патріарха Паисія государынѣ показываетъ, что благочестивая Марья Ильинична отнеслась въ Москву къ Паисію съ особымъ радушіемъ и благосклонностію, что она уговаривала іерусалимскаго патріарха подолѣ побывать въ Москвѣ и послала съ ними ко гробу Господню очень богатые церковные сосуды. Этимъ расположениемъ къ нему государыни и рѣшился теперь воспользоваться Паисій, чтобы подорвать въ Москвѣ значеніе показаній извѣстнаго Арсенія Суханова, который отправился изъ Москвы на востокъ вмѣстѣ съ Паисіемъ, съ специальнymъ порученіемъ отъ правительства составить „описаніе святыхъ мѣсть и греческихъ церковныхъ чиновъ“. Сухановъ очень неблагосклонно отнесся къ грекамъ вообще и ихъ обычаямъ и даже заподозрилъ самое ихъ благочестіе, что онъ нестѣсняясь

и выразилъ въ своихъ знаменитыхъ „преніяхъ съ греками о вѣрѣ“, почему греки естественно должны были отнестись къ Суханову очень враждебно. Но Сухановъ, кромѣ порицанія грековъ вообще, доносилъ правительству что-то очень неблагопріятное и лично про патріарха Паисія и, вѣроятно, между прочимъ, объяснилъ истинную причину продолжительного пребыванія Паисія въ Молдавіи, заключавшуюся во враждѣ Паисія къ константинопольскому патріарху Пароенію, къ которому очень расположено было наше правительство, какъ къ своему вѣдомому доброхоту. Обратиться съ своими жалобами на Арсенія прямо къ царю Паисій не рѣшился, а предпочелъ дѣйствовать чрезъ государыню, очевидно предполагая въ ней большую нежели у государя восприимчивость къ жалобамъ его—Іерусалимского патріарха. Изъ послѣдующаго однако невидать, чтобы обвиненія Паисія имѣли какія либо послѣдствія для Суханова.

Съ архимандритомъ Іоасафомъ патріарху Паисію было послано милостины соболями на 1500 рублей (на наши деньги тысячу на двадцать пять рублей) и царская грамата, въ которой государь извѣщаетъ патріарха, что онъ и царица приняли его посланныхъ и грамоты и что онъ посыаетъ патріарху „заздравные милостины двѣнадцать сороковъ соболей добрыхъ, да отъ царицы нашей... шесть сороковъ добрыхъ же“, просить его молить Бога о всей царской семье „и о нашихъ государскихъ дѣлахъ радѣти и вѣдомо нашему царскому величеству чинити, а у насъ... и впередъ ваше святительство въ забвеніи не будетъ“. Архимандриту Іоасафу, сверхъ обычной дачи „на прѣѣздѣ“ и „на отѣѣздѣ“, дано еще было сто рублей (на наши деньги 1700 р.). Эта чрезвычайная дача Іоасафу вѣро-

ятно объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: Іоасафъ подалъ государю особую челобитную, въ которой заявляетъ, что онъ пять лѣтъ состоитъ игуменомъ Іерусалимскаго въ Цареградѣ Георгіевскаго монастыря, откуда патріархъ и послалъ его въ Москву, что онъ „знаемъ всѣмъ начальнымъ турскимъ людямъ и о всякомъ твоемъ государевѣ дѣлѣ тебѣ государю служить и работать я, богомолецъ твой, могу“, почему теперь и просить государя: „вѣли мнѣ, богомольцу твоему, служити и работати всякимъ твоимъ государевымъ дѣломъ“, просить, когда онъ ради государевыхъ дѣлъ, будетъ посылать въ Москву разныхъ добрыхъ грековъ, то чтобы ихъ безпрепятственно пропускали въ Путівль, на что и должна быть ему выдана особая государева грамата. Такая грамата была дана Іоасафу и онъ такимъ образомъ поступилъ въ число нашихъ тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи, обязанныхъ обо всемъ, что въ ней дѣлается, немедленно извѣщать наше правительство особыми отписками, посыпаемыми въ Москву съ вѣрными людьми¹.

Въ 1654 году патріархъ Паисій прислалъ государю съ халкидонскимъ архимандритомъ Матвѣемъ грамату, въ которой писалъ: „мы, царю мой многолѣтный, ходимъ отъ мѣста на мѣсто ко благочестивымъ христіаниномъ малыя ради милостины за святыя и богоходимыя мѣста, идѣже на всякъ день искушенія, иждивенія и исходы неоскудѣваютъ, частію отъ агаряновъ, частію отъ проклятыхъ еретиковъ арменовъ, и имамы обиды на всякъ день. Обаче со благословенною милостію великаго царствія твоего и благочестивыхъ православныхъ христіанъ стоимъ, и мы боримся съ дикими

¹ 7161 г. № 10; С. А. Бѣлокуровъ: Арсеній Сухановъ, приложение.

звѣрьми¹, и затѣмъ рекомендуетъ государю одного грека².

Въ 1657 году путивльскіе воеводы доносили государю, что 2 Июня въ Путівль прибыли Іерусалимскаго патріарха архимандритъ Германъ, келарь Аѳанасій, да патріаршій человѣкъ Дмитрій. Воеводамъ архимандритъ Германъ сказалъ, что єдетъ къ государю и святѣйшему патріарху Никону съ грамотами Іерусалимскаго патріарха Паисія „наскоро, тайно“, „а писаны де (граматы) о вашихъ государевыхъ великихъ дѣлахъ, а вѣстей за собою никакихъ несказаль“. Указомъ государя велѣно было воротить архимандрита назадъ изъ Путівля, давъ ему милостию, примѣняясь къ Путивльскимъ дачамъ. Но архимандритъ Германъ прислалъ изъ Путівля челобитную, въ которой заявлялъ, что онъ пріѣхалъ съ патріаршими грамотами, которыя патріархъ велѣль „подати въ руцѣ святому вашему царствию, и какъ я пріѣхалъ въ Путівль и взялъ меня силою воевода, который здѣся, и спрашивалъ меня: для чего єдешь къ твоему святому царствию? И я ему сказалъ: да отпустить меня поклонитися царствію вашему, какъ приказано мнѣ отъ патріарха, разсказать изъ усть всякую бѣдность и всякой долгъ, что учинили проклятые арменья; и онъ неотпустилъ меня“. Архимандритъ просить государя приказать пропустить его въ Москву, такъ какъ безъ царской грамоты и милостиши онъ боится возвращаться къ патріарху; тѣмъ болѣе что они исхарчились и возвратиться имъ назадъ неначто. Отвѣта на эту челобитную непослѣдовало и архимандритъ былъ возвращенъ назадъ изъ Путівля².

¹ 7163 г. № 1. — ² 7165 г. № 21.

Прибывшій въ Москву 24 Апрѣля 1658 года грекъ Исаія Остафьевъ въ посольскомъ приказѣ заявлялъ, что Іерусалимскій патріархъ Паисій просилъ его, Исаію, взявиши съ него въ томъ присягу, извѣстить великаго государя, чрезъ боярина Илью Михайлова, что у Іерусалимскаго патріарха есть ближній человѣкъ у султана, бывшій родомъ грекъ, а патріарху другъ и совѣтникъ, имя ему—Шаптамъ-ага, который говориль патріарху: у турокъ есть помышленіе перемѣнить господарей: венгерскаго Ракоція, валахскаго Константина и молдавскаго Стефана за то, что они держать между собою совѣтъ за одно и съ казаками сочетаются; и если ихъ несмѣнить и неказнить, то султану невозможно будетъ послать ратныхъ своихъ людей, а какъ поставить новыхъ князей, то можно будетъ ему идти на казаковъ, ибо тогда небудетъ гетману никакихъ вѣстей ни письменно, ни словомъ и небудетъ гетманъ въ силѣ. Обо всемъ этомъ писалъ султану крымскій ханъ, а также и о томъ, что король литовскій учнится ему данникомъ и будетъ платить ему ежегодно по 3000 ефимковъ, лишь бы султанъ прислалъ ему помошь съ новыми воеводами. О всемъ этомъ велѣно было патріархомъ доложить государю чрезъ ближняго боярина словесно.— Въ томъ же году 6 Июня пріѣхалъ въ Москву грекъ Иванъ Анастасовъ и въ разспросѣ заявилъ между прочимъ, что султанъ, почелобитью армянъ, велѣль было убить Іерусалимскаго патріарха, потому что армяне давали за то визирю и пашамъ 200,000 ефимковъ; но визирь про то розыскивалъ, и велѣль побить тѣхъ покупщиковъ армянъ, Іерусалимскаго пашу и иныхъ всѣхъ заводчиковъ, и церкви греческія, которыя были за армянами, всѣ отданы попрежнему Іерусалимскому патріарху.— Болѣе обстоя-

тельная известія прислалъ въ Москву объ этомъ событии архимандритъ Іоасафъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ 1652 года и поступившій на службу нашего правительства въ качествѣ тайного политического агента въ Турціи. Теперь онъ писалъ государю (въ Ноябрѣ 1658 года): „объявляю великому вашему царствію страшное смутное дѣло, которое учинилось: блаженнѣйшій патріархъ напѣ Паисій хотѣлъ починить корону свою, и огласилось сіе армянами и другими злыми людьми ближнему цареву человѣку и визирю. Они отдали патріарха подъ стражу Гасанъ-пашѣ и Юсуфъ-пашѣ, сирѣчъ земскими боярами, и сковавъ его весьма мучили, а корону его взявшъ отослали въ Адріанополь къ визирю съ великимъ человѣкомъ Юсуфъ-агою. Потомъ ночью, взявъ патріарха, отвели его туда, гдѣ былъ замученъ и конецъ принялъ Пароеній, патріархъ вселенскій, и хотѣли и его тутъ-же повѣсить, а потомъ отвели его къ адрианицкимъ воротамъ, чтобы больше денегъ послушилъ, и мучили его страшно, и многихъ купецкихъ людей, — учинился великій страхъ и трепетъ... Укрылись всѣ купецкіе люди и только я, рабъ вашего царскаго величества, да иные четыре человѣка старцевъ, тайно ходили въ Адріанополь и видѣлись съ визиремъ. Изволеніемъ Божіимъ визирь то наше дѣло доложилъ султану и царь о томъ спросилъ визира: носять ли де патріархи вѣнцы? — Визирь ему сказалъ: пожаловали патріарху носить вѣнцы, какъ евангеліе чтуть, дѣдъ вашъ. — И царь приказалъ: пусть де онъ, патріархъ, носить про мое здорове, и тотъ часъ прислалъ человѣка съ наказною граматою, да небудеть никто противъ патріарха и всѣхъ тѣхъ людей освободили по сему наказу, только отъ того патріарху много убыли стало и Св. Гробу. Патріарха мучили горько и ожидали смерти всякой часъ, только

лишь неказнили... Богомолецъ святаго царствія патріархъ хотѣлъ объявить письмомъ о великихъ своихъ нуждахъ и бѣдахъ и повседневномъ заключеніи... но нынѣ турки съ французскимъ бранью имѣютъ, для того и смотрять всякия письма. Патріархъ отъ великихъ долговъ бѣжалъ Чернымъ моремъ и думалъ быть въ иверской землѣ, а меня оставилъ на свое мѣсто прикащикомъ, въ великой погибели, въ монастырѣ на подворья, и приказалъ мнѣ писать вашему царствію о всякихъ дѣлахъ и статьяхъ съ вѣрнымъ рабомъ вашего царствія Иваномъ Юрьевымъ, и онъ, Иванъ, смыслено будетъ объявлять вашему царствію изъ устъ своихъ. Сего ради пишу съ великимъ страхомъ и трепетомъ, ибо негадаю и нечаю доѣхать рабу сему до вашего царствія!!¹.

8 Ноября 1659 года греки Дементій Петровъ и Дмитрій Юрьевъ привезли въ Москву государю грамату отъ патріарха Паисія (самой грамоты въ дѣлѣ не имѣется), въ которой онъ извѣщалъ государя, что до него дошло царское жалованье, посланное въ прошломъ году съ грекомъ Дементіемъ, и уведомляя за тѣмъ о тѣснотѣ своей и мученіяхъ отъ безбожныхъ турокъ, снова просить государя прислатъ ему милостыню. Паисію послано было, по примѣру посылокъ прежнихъ лѣтъ, на 100 рублей соболями². Это была послѣдняя грамата патріарха Паисія къ русскому правительству, чрезъ годъ съ небольшимъ, именно: 2 Декабря 1660 года онъ скончался.

Подобно своему предшественнику јеофану и Паисій патріархъ иногда обращался къ государю съ ходатайствами за разныхъ просителей милостыни. Такъ, 1 Октябрь

¹ 7166 г. № 11 и 63; 7167 г. № 3. — ² 7168 г. № 8.

бря 1650 года прибыль въ Москву сербскаго Кру shedo лова Благовѣщенскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, о которомъ Паисій писаль государю: „буди въдомо державному христіанскому царю, что въ нынѣшихъ временахъ показалъ тя Господь нашъ I. Христосъ, яко великаго и древняго царя Константина — утвержденіе благочестивой вѣрѣ нашей, и ревнитель ты еси его во всемъ: стройши и распространяши церковь Христову, яко же Христосъ строилъ своею кровью, и по всей вселенней славна великая ваша царская милостыня, что еси всегда творишь монастыремъ и всѣмъ церквамъ Божімъ; и сего ради прибѣгаешь всякъ поручить милость отъ царствія вашего—глаголю убо межъ звѣрей дикихъ и имъ покореннымъ будучи агарянскимъ дѣтемъ—равнымъ звѣремъ. Такожде и сей архимандритъ Аненою сказалъ намъ, что онъ имѣль у себя двѣ жалованныя граматы—царя Бориса и царя Василья, въ ихъ обители въ Кросодолѣ, во области сербскіе, и тѣ де жалованные граматы агареня изъ монастыря пограбили. А того монастыря соорудители были Максимъ архіепископъ, да два короля: блаженные Иванъ да Стефанъ съ матерію ихъ Ангелиною. И для ради подлинной достовѣрности биль намъ членомъ сей архимандритъ съ братіею, чтобы намъ послать къ великому вашему царствію молитва и благословеніе и прощеніе и подлинно вѣдомо учинить, что они добрали и святаго монастыря и постоянно поминаютъ благовѣрныхъ чинъ. Посему прибѣгаютъ они бѣдные и поклоняются къ великому вашему царствію, и просяять милостыну отъ великаго вашего царствія, и пошалуй ихъ, какъ тебѣ всемилостивый Богъ извѣстить“. — Отъ 6 Апрѣля 1651 года Паисій писаль государю относительно архимандрита Евѳимія, прїѣхавшаго въ Москву за мило-

стинею съ ларисскимъ архіепископомъ Каллистомъ: „Поелику многіе благочестивые христіане: архіереи, игумены и вельможи прибѣгаютъ со стороны восточной къ богодарованной его державѣ съ патріаршими граматами, и получаютъ утѣшеніе въ печалехъ и, возвращаясь въ свои области, молятъ Бога о его царскомъ здравіи, то и сей священномонокъ прїѣзжалъ съ свидѣтельствованными граматами, что онъ обижень отъ агарянъ, которые хотѣли раззорить его монастырь, и потому патріархъ молилъ о дарованіи ему милостыни“. Встрѣчаются и еще подобныя граматы патріарха Паисія, хотя ихъ, сравнительно съ количествомъ рекомендательныхъ грамат патріарха Феофана, и очень немного¹.

Обзоръ сношеній іерусалимскаго патріарха Паисія съ русскимъ правительствомъ показываетъ, что эти сношенія имѣли важность прежде всего для русской церковной жизни, на которую онъ оказали очень замѣтное вліяніе. Русские порознились съ современными имъ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, почему уже патріархъ Феофанъ, находясь въ Москвѣ, настаивалъ предъ царемъ и Филаретомъ Никитичемъ обѣтъ отмѣнѣ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ на Руси, въ виду ихъ несогласія съ обычаями, практиковавшимися во всей греческой церкви. Гораздо далѣе Феофана пошелъ въ этомъ дѣлѣ патріархъ Паисій. Во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ вель переговоры по церковнымъ вопросамъ съ государемъ, учиняль соглашеніе съ патріархомъ Іосифомъ, но главное, что особенно важно, вель бесѣды съ Никономъ, сначала архимандритомъ, а потомъ новгородскимъ митрополитомъ, указывая ему на разность нѣкоторыхъ церков-

¹ 7159 г. №№ 3, 39, 42; 7161 г. № 16.

ныхъ обрядовъ у русскихъ сравнительно съ тогдашними греческими и на необходимость ихъ согласованія въ томъ смыслѣ, чтобы русскія особенности были исправлены по образцу греческихъ. Эти бесѣды, на которыхъ Паисій „зазиралъ“ Никона, привели послѣдняго къ сознанію необходимости произвести церковныя исправленія въ широкихъ размѣрахъ, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Чтобы поддержать рѣшимость Никона дѣйствовать въ указанномъ направленіи Паисій, по отѣзду изъ Москвы, посыпалъ сюда изъ Молдавіи двухъ митрополитовъ: назаретскаго Гавріила и навпактскаго Гавріила Власія, которые, по порученію Паисія, укрѣпляли Никона въ его рѣшимости начать церковную реформу, такъ что извѣстная и богатая своими послѣствіями для дальнѣйшей нашей церковной жизни дѣятельность Никона, во многомъ обязана, и своимъ началомъ и своимъ общимъ направленіемъ, именно іерусалимскому патріарху Паисію. Побужденія, которыя руководили въ этомъ случаѣ патріархомъ Паисіемъ понятны: онъ увидѣлъ какъ многіе русскіе, благодаря именно своимъ тогдашнимъ церковнымъ особенностямъ, неблагопріятно стали смотрѣть на современныхъ грековъ, готовы были видѣть въ нихъ отступниковъ отъ древняго церковнаго чина и обряда, народъ, православіе котораго очень сомнительно, какъ они относились поэтому къ современнымъ грекамъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, какъ къ низшимъ себѣ въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Дальнѣйшее развитіе и усиленіе этого направленія въ русской жизни, могло въ будущемъ угрожать даже разрывомъ русской церкви съ вселенскою греческою, а грекамъ окончательно потерю всякаго вліянія и значенія у русскихъ. Инте-

ресы вселенского православія и національныя греческія интересы, которые у Паисія всегда стояли не на послѣднемъ планѣ, и побудили его энергично позаботиться о поддержаніи и возвышеніи на Руси греческаго церковнаго авторитета, а вмѣстѣ и престижа грековъ вообще въ глазахъ русскихъ, къ чему дѣйствительно прямо и вела церковная реформа Никона, возникшая и потомъ проведенная подъ вліяніемъ и дѣятельномъ участіи грековъ.

Подобно своему предшественнику патріарху Іоофану Паисій усиленно заботился поддерживать близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ, чтобы пользоваться его милостынею для поддержанія бѣдствующихъ Св. мѣсть, для борьбы съ католиками и армянами, которая и при немъ, какъ и при Іоофанѣ, велась съ напряженіемъ и иногда принимала настолько острый характеръ, что самой жизни мужественнаго патріарха грозила серьезная опасность. Въ видахъ полученія богатой милостыни отъ московскаго правительства Паисій, вскорѣ по вступленіи на патріаршій престолъ, лично отправился въ Москву. Но онъ, въ этомъ случаѣ, преслѣдоваль и другія цѣли, именно: политическія, которыя играли очень выдающуюся и характерную роль въ его сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ. Онъ вошелъ въ близкія сношенія съ гетманомъ Хмельницкимъ, поднявшимъ очень удачное восстаніе противъ поляковъ и, благословляя его на борьбу, сдѣлался посредникомъ между нимъ и московскимъ правительствомъ, имѣя въ виду привести ихъ къ взаимному соглашенію, къ признанію казаками подданства московскому царю. Затѣмъ Паисій вошелъ въ тѣсныя сношенія съ господарями Молдавіи и Валахіи, и употребляль всѣ усилия привести ихъ, съ одной стороны, въ соглашеніе съ

Хмельницкимъ, а съ другой съ Москвою, долженствовавшей, по его мысли, сдѣлаться опорою и главою цѣлаго союза православныхъ народностей, которые, подъ верховнымъ руководствомъ московскаго царя, начнутъ потомъ рѣшительную борьбу съ турками въ видахъ своего освобожденія изъ подъ ихъ ига. Такимъ образомъ патріархъ Паїсій увидѣлъ и призналъ въ московскомъ государствѣ ту политическую силу, которая съ теченіемъ времени должна была сдѣлаться орудіемъ для низверженія турецкаго господства и возстановленія свободы православныхъ народовъ и, конечно, главнымъ и первымъ дѣломъ грековъ. Именно для достижения этой конечной цѣли Паїсій и отважился на очень рискованную для его положенія и самой жизни роль: посредника-примирителя между Москвою, казаками и Молдо-Влахіей.

IV.

Сношенія патріарха Нектарія съ русскимъ правительствомъ.

Преемникомъ патріарха Паїсія на Іерусалимской патріаршій каѳедрѣ сдѣлался Нектарій, который былъ посвященъ въ патріархи 9 Апрѣля 1661 года въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и прожилъ первый годъ своего патріаршества и только въ 1662 году отправился въ Константинополь, откуда въ Сентябрѣ 1663 года прибыль въ Яссы. Нектарій былъ человѣкъ очень болѣзненный, мало энергичный и предпріимчивый, болѣе склонный къ спокойной и кабинетной дѣятельности — за время своего патріаршества онъnevступалъ даже въ обычную для другихъ патріарховъ борьбу съ католиками и армянами. Изъ имѣющихъ у насъ подъ руками документовъ не видно, чтобы Нектарій, сдѣлавшись патріархомъ, извѣщалъ о своемъ избраніи и постановленіи московское правительство особою граматою, и чтобы онъ, подобно своимъ предшественникамъ, стремился войти въ близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ, заботился пріобрѣсти его особое расположение въ видахъ полученіе милостыни, и уже вовсе не помышлять о тѣхъ политическихъ затѣяхъ, которыми такъ горячо былъ преданъ его предшественникъ Паїсій. Но и при своемъ осторожномъ и сдержанномъ отношеніи